

Валерий Пушной

Пораженные
безликостью

Валерий Пушной

Пораженные безликостью

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2022

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В. А.

Пораженные безликостью / В. А. Пушной — Издательско-
Торговый Дом "СКИФИЯ", 2022

ISBN 978-5-00025-264-2

Мир Даконии под угрозой сил Тьмы. Духи Великой Пустоты уже сделали даконцев безликими и теперь готовятся выйти из подземелий Мрака, чтобы опустошить этот мир. Однако в пророчестве Древнейших сказано, что в пору Великой опасности должен появиться тот, кто может стать на пути этих сил. И наступил момент, когда предсказание начало осуществляться. В Даконию попадает искатель приключений Ванька Малкин со своими друзьями, с которыми читатель уже знаком по книге «Дебиземия». Ничего не ведая о пророчестве, герои оказываются перед сложным выбором, потому что прорицание молчит о том, чем все закончится, если они примут участие в схватке.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-264-2

© Пушной В. А., 2022
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валерий Пушной

Пораженные безликостью

© Пушной В., 2022

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2022

Глава первая

Символы власти

Перевалив через возвышенность, люди остановились. Впереди был Ванька Малкин с длинным прямым обломком ветки в руке, поднятым у подножия холма. Открывшийся вид поразил. Окаймленное деревьями поле клином уходило вниз, к глубокому рву. За рвом – россыпь острых скальных обломков, которые затрудняли движение к воротам в высоком частоколе. За частоколом высился старинный особняк. Он походил на древнее строение. Многого было не разглядеть, но с высоты холма можно понять, что строение ломаной формы. Крыша особняка прокалывала воздушную синь треугольным шпилем.

Из ворот выехал всадник, медленно миновал скальные обломки, протрусил вдоль рва и осторожно спустился вниз. Пропал из виду. Но вскоре лошадь легко и быстро вынесла его наверх, на этот край рва, пригнула голову и пустилась к вершине взгорья. Расстояние до людей сокращалось. – Определенно, едет к нам, – проговорил Малкин, опираясь на сук, как на посох. – Странно, – Володька Лугатик прищурил глаза от яркого солнца и погладил ладонью голый живот. На всякий случай глянул по сторонам, а вдруг кроме них на вершине кто-нибудь еще нарисовался и ждет всадника. Однако взгляд никого не выудил. – Странно, – повторил озадаченно. – Строение внизу, как из времени Оно: окружено частоколом и рвом. Какой-то средневековый замок, крепость. На всаднике был темно-синий балахон из плотной ткани с капюшоном. Он с головой укрывал высокое тело и часть широкого крупа желтой длинношестой лошади с белой гривой и сильной грудью. Капюшон был расшит красными узорами.

– Что-то не по нутру мне всё, – нервно сплюнул Лугатик. – Снова куда-то вляпались. Не понять, где очутились. Лица конника не видно. Закапюшонился наглухо, как маг.

– Подъедет – разглядим, – успокоила Сашка, не отрывая глаз от всадника. Просторная синяя футболка с Ванькиного плеча топорщилась на ней помятыми краями.

Кивком Малкин согласился с Сашкой. Его худой голый торс блестел на ярком солнце густым загаром, кожа на плечах шелушилась.

– Ну и пекло, – Андрюха Раппопет вспотел от жары и обмахивался полами расстегнутой рубахи. – Представляю, как преет этот бедолага. Не думаю, что он маг. Маги любят закидоны, а этот скорее местный фермер, – кинул взор на стоявшую рядом Катюху, та напряженно одергивала белый топ, и продолжил: – На мясо бычков разводит или огурцы с помидорами штампует у себя за забором. Усадьба-то приличная. Одной землицы оттяпал, будь здоров. И домишко в старинном стиле смастерил.

– Домишко, – усмехнулась Катюха. – С частоколом и рвом вокруг. Володька прав, такие на картинках видели в книжках про благородных рыцарей. Крепость какая-то.

– Не хватало нам еще рыцарей, – возмутилась Карюха, глянув на Катюху и Сашку. – Одни проблемы. Отыскать бы дорогу домой. – Вздохнула, поднимая грудью ткань рубашки-сеточки. – А то придется ребятам выступать на рыцарских турнирах, биться за даму сердца, – стрельнула глазами по парням.

Сжав губы, Малкин воткнул сук в землю, бесцельно пошарил в карманах штанов и скрестил худые руки на груди.

Всадник приблизился, и люди оторопели, ибо голова лошади была гладкая, без морды: ни глаз, ни рта, ни ноздрей. Однако от нее доносилось отчетливое фырканье. Лошадь была крупной, выше обычных коней, с мощными длинными ногами и большими копытами. Всадник скользил подошвами кожаной обуви по верхушкам высоких трав. Натянув повод, остановился в десяти шагах от Ваньки. Выпрямился в седле, откинул назад капюшон, и все увидели безликую голову. Вместо лица – гладкая ярко-оранжевая кожа, будто выбритый затылок. Волосы на

голове набегали на ушные раковины и топорщились жиденькой порослью ярко-желтого цвета, как окрас лошади. Люди не проронили ни звука. Ванька широко расставил ноги, распрямил плечи. Конный привстал в седле, протянул к Малкину руку, и все услышали глуховатый голос и незнакомую речь, исходящую от безликой головы.

Друзья переглянулись. Друзья оторопело переглянулись.

– Кажется, приплыли, – сорвалось с языка Андрюхи Раппопета. Он помедлил, ожидая отклика друзей, но их реакции не последовало. Продолжил: – Кажись, он нам что-то брякнул. Не пойму, как у него это получилось безо рта и как он видит нас без глаз? Магия мозга морочит. Катюха, переведи, что он сказал, ты у нас в языках сечешь. – Андрюха проглотил слюну, набрал воздуха и шумно выдохнул. – Гутен таг, приятель! Привет, говорю, друг ситный! Не кукуешь по-немецки? И по-русски не шурупишь? Плохо, приятель.

Извини, разговор не получится, – сунул руки в карманы.

Всадник натянул повод и показал рукой назад, на крепость.

Вновь разнесся его голос.

– Тут без бутылки не разберешься, – зашевелился и осторожно проворчал Лугатик за спиной Малкина. – Может, он приглашает нас в гости? – поморщился, как от боли в десне, почесал затылок и повысил тон, выступая вперед. – Эй, чучело оранжевое, коли уши у тебя есть, значит, слышишь нас. Случаем, в той богадельне не обитает какой-нибудь заваливающий маг, чтобы перевести твою тарабарщину на нормальный язык? Кивни мурлом хотя бы!

– Не хами, – осадил Володьку Малкин. – Сначала разобраться надо, где мы вообще находимся.

Всадник опять показал рукой на крепость. Лошадь без морды прянула ушами, и тишину расколото громкое ржание. Конник погладил ее по шее и потрепал длинную гриву. Сашка сделала шаг к Ваньке:

– А если Володька не ошибается? Вдруг и впрямь этот безликий выехал встретить нас? Все равно выбора нет. Мы бы и сами туда потопали. Наверняка там есть другие живые души.

Может, перекусить удастся.

– От жарчки я бы не отказался, – вклинился Лугатик. – Только всякие головоломки вот уже где! – он стукнул себе по шее. – Опасаюсь пакостей. По безликой башке не поймешь, что он затевает.

Чуть-чуть всадник прижал коленями бока лошади. Та подступила ближе к Малкину. Парень задрал лицо, разглядывая лошадиную голову без морды. Конник пригнулся к гривастой шее. И опять раздался глуховатый голос. Затем безликий подхватил длинные полы синего балахона и легко спрыгнул на землю. Был он на голову выше Ваньки, но узок в плечах, прям и пружинисто подвижен. Неожиданно отвесил короткий поклон, чем привел Ваньку в замешательство, и протянул парню повод лошади. Тот посмотрел на странное плетеное седло, показал на девушек. Безликий еще раз коротко и быстро поклонился Ваньке, являя лысеющий затылок. Проворно, не церемонясь, подхватил под мышки Сашку и легко подбросил в седло.

То же самое проделал с Катюхой и Карюхой, посадив их спереди и сзади Сашки. Девушки пискнули от крепкой и жесткой хватки сильных рук. Безликий накиннул на голову капюшон, взял лошадь под уздцы, повел вниз по склону. Полы длинного балахона тащились по земле. Девушки притихли, обхватив друг друга. Ванька нижним концом палки поковырял в траве и двинулся за лошадей. Парни потопали следом. Все было странно. Напряжение возрастало: никто не представлял, что их ждало впереди.

– Что он перед тобой спину гнул? – усмешливо пробрюзжал Володька, ковыляя рядом с Ванькой по густой упругой траве. Она легко ложилась под ноги и выпрямлялась сзади, укрывая следы. – Надеюсь, не напоит каким-нибудь отравленным зельем, чтобы мы коньки отбросили.

– Не дрейфь! Где наша не пропадала! – оборвал его толстячок Раппопет. Он шел под гору, опережая Ваньку и Володьку. – Хотя носом чую, это не то место, где мы хотели оказаться.

– Поглядим, – уклончиво отозвался Малкин, машинально забрасывая на плечо посох.

Девушки покачивались на лошади. Спина безликого проводника маячила впереди. Ров приближался. Верх особняка за частоколом притягивал взгляды.

У кромки рва проводник остановился, обошел круп лошади и сунул в руки Раппопету конец ее хвоста. Андрюха удивился, но принял его из огромной оранжевой ладони, представив на миг, как тяжел, должно быть, большой оранжевый кулак.

Ров был глубокий, с обрывистыми краями. Вниз вдоль крутого склона, поросшего густой травой, кустарником и ядовитыми пыльцовыми растениями, вела узкая пологая искусственная тропа. Проводник показал парням, чтобы шли след в след. Его поняли. Начали спускаться. Лошадь за проводником двигалась аккуратно, приседая на задние ноги. Раппопет не выпускал хвоста, ему в затылок дышал Лугатик и замыкал Малкин.

Кустарник по склону невысокий, усыпанный колючками, как металлическими шипами. Острые иглы прошивали насквозь одежду и кожаную обувь всякого, кто сбивался с тропы.

Вперемежку с кустарником пиками росли пыльцовые растения с пышными головками. При прикосновении к ним выбросы ядовитой пыльцы оставляли на коже глубокие ожоги, приводившие к болям и смертельному исходу. Медленно спустились на дно рва. Воздух показался сырым. Гладкая стелящаяся трава под ногами влажно захлопала, будто ступали по воде, между тем ноги были сухими. Прodelали несколько десятков шагов поперек рва и пошли круто вверх по противоположному склону. На выходе Раппопет, вцепившись в хвост лошади, пыхтел, Лугатик за ним сопел, Малкин глубоко дышал. Лошадь фыркала. Проводник молчал. После рва по изгибам тропы миновали огромные каменные глыбы и приблизились к высоким тяжелым деревянным воротам в частоколе. Скрепленные несколькими металлическими накладками поперек ворот, они висели на широких кованых застарелых металлических почерневших петлях.

Проводник постучал кулаком. Лошадь нетерпеливо затопталась на месте, в воздухе пронеслось ржание. На стук ворота под металлический визг тяжелых несмазанных петель начали отворяться. Появилась щель. Девушки смотрели во все глаза.

Раппопет просунул руку под ткань рубахи и напряженно почесал грудь. Неизвестность могла ошарашить, как обухом по голове. У Лугатика вспотели подмышки, защемило где-то в районе селезенки. Малкин снял с плеча посох и оперся на него двумя руками. И вот навстречу из ворот хлынула безликая толпа.

Количество безликих ошеломило друзей. В первое мгновение эта масса показалась абсолютно одинаковой: оранжевая кожа, полное отсутствие лиц. Но вскоре стали обозначаться различия между мужчинами и женщинами. В одежде, во внешнем облике. У женщин волосы пышные, длинные, с обручами и перевязками, с заколками и фероньерками, окрашены в разные яркие цвета. Прически – от элементарных до замысловатых, на ушах серьги, от незатейливых до причудливых, со сверкающими украшениями. У мужчин волосы негустые, прилизанные, скудной цветовой гаммы. Одежда у тех и других обыкновенно тривиальна. У мужского пола – тканевые накидки длиной до бедер, просторные короткие штаны и, по щиколотку, открытая обувь из свиной кожи. У женщин такие же накидки, длиной чуть ниже бедер, но с глубокими вырезами, сильно открывающими грудь, расшитые украшениями, различными узорами из цветных нитей и перехваченные всевозможными тканевыми и кожаными поясами. Ноги полностью голые, легкая кожаная обувь по косточку. Все очень высоки ростом, поджаристы и мускулисты.

Толпа остановилась в нерешительности, пока из ее гуши не выпал звонкий голос. Он разрядил обстановку. Оцепенение спало, в гурьбе произошло шевеление. И зазвучали другие голоса. Заходили тела, замахали руками, окружая прибывших.

Однако толпа не казалась враждебной, без оружия, без диких выходов. Это успокаивало. Но вдруг толпа перестала напирать, замерла перед Ванькой, постепенно обезголосев. А когда

он на ком-либо останавливал взгляд, тот коротко кланялся и скрывался за спинами других. Малкин покраснел. Ему ничего не оставалось, как делать ответные кивки. Это приводило толпу в восторг. А Ванька смущался все больше, пока непрерывные поклоны не начали раздражать. Лугатик сунул пальцы под коричневый ремень брюк на поясе, расслабленно хихикнул и проговорил:

– Кажется, ты здесь желанный гость, Ванька. Значит, с голоду не подохнем. Это уже хорошо. Явно ждали тебя, иначе зачем бы им возле ворот околачиваться? Удивительно, как сослепу не тыркаются друг в друга? Ориентируются как-то? Ведь не сбился с тропы этот оранжевый верзила. И тебя со мной никто не перепутал. Мне что-то поклоны не бьют. Странно. Как это?

По запаху, что ли? Не могут же они быть магами все подряд.

Ванька не ответил, состояние неопределенности немного тревожило. Раппопет с другого боку несколько раз зыркнул в сторону Володьки, но промолчал. Собственно, о чем говорить, и так понятно, что ни черта не понятно, зачем еще дополнительно туману нагонять. Проводник откинул с головы капюшон и сквозь толпу повел лошадь в ворота. Гурьба расступилась. Чья-то рука легонько коснулась голы ноги Сашки, та вздрогнула в седле, заметив, как оранжевые пальцы безликих женщин потянулись к ней. Она машинально отдернула ноги.

Скоро за спинами длинно завизжали петли ворот, закрываясь.

Дорога дальше была вымощена диабазом. По сторонам стояла стража: кожаное облачение, щиты, луки, мечи, шлемы.

Крепость представляла собой строение вытянутой формы.

Нижняя часть стен выложена из массивного цветного тесаного камня, прямоугольные отверстия в стенах служили окнами. Верхняя часть стен – деревянная в рубленом исполнении, тоже с окнами и резным оформлением. Венчала все округлая фасонная крыша с надстроенными башенками и длиннющим треугольным деревянным шпилем. Конструкция кровли была витиеватая, но при этом создавала ощущение прочности. Перед широкой входной дверью проводник придержал лошадь, погладил по морде. Потом похлопал по шее и передал повод огромному оранжево-безликому стражнику, облаченному с ног до головы в скрипучую кожу, со щитом, большим луком, колчаном стрел за спиной и коротким мечом на кожаном поясе.

Грубовато ссадил с лошади Сашку, за нею Катюху и Карюху. Девушки, оказавшись перед огромными стражниками, сжались.

Проводник потянул на себя тяжелую, обитую синим металлом дверь за большую кованую ручку красного металла в виде головы птицы, пропустил вперед людей. За дверью открылся зал с разноцветными широкими каменными скамьями вдоль стен.

По углам – вазы с сушеными иммортелями в ярких красках.

Произнес несколько непонятных слов, подхватил полы балахона, поклонился Малкину и вышел. Друзья остались одни.

На высокие скамьи усаживаться никто не захотел, заскользили взглядами по залу. Тот был квадратным, стены выложены ровно, из хорошо отшлифованного камня розоватого цвета с золотисто-зелеными прожилками. Гладкий каменный пол.

В проемы в стене лился жаркий свет и безудержно проникали уличные звуки. Люди вытерли пот, медленно расслабились.

На стене, расположенной против входной двери, красовалось странное полотно, выполненное в стиле маркетри, в нем было все: и краска, и мозаика, и металл, и камень, и дерево.

Что оно выражало, объяснить никто бы из приятелей не взялся.

Но все почувствовали магическую силу символов, запечатленных на полотне. Они притягивали взгляды и будоражили воображение. Перед глазами возникали разные фантастические образы. Чудовища, птицы, воины, звери, женские и мужские фигуры.

Вот красивое женское лицо выдвинулось из полотна, проплыло перед глазами, пошевелило губами и посмотрело с грустной надеждой. Затем медленно растаяло. Следом полотном заиграло радугой красок. Малкин резко отвернулся:

– Кино, – разлепил губы, понимая, что на кино это походило меньше всего. – Магия. – Приятели посмотрели на него. Он продолжил: – Может, это здешняя жизнь, – пожал плечами. – Тогда мы невесть где. Поглядим, что будет дальше.

– Опять маги, – недовольно сказал Лугатик и пальцами смахнул с грязных помятых брюк прилепившуюся травинку.

Та пропеллером закрутилась в воздухе и упала на гладкий розовый с золотисто-зелеными прожилками пол. Володька проследил за ней взглядом, а мозг отметил, что на сверкающем чистотой полу травинка досадно пялилась в глаза. Лугатик отвернулся и нервно дернул щекой. – Где эти маги? Проводник тоже куда-то смылся. Накормили бы хоть. Теперь чую, с голодухи ноги протянем. Вот попали: этим оранжевым жратва не требуется, у них – ни рта, ни глаз. И как они живут без подкормки? Вечный двигатель, что ли, черт побери? Или роботы.

Подзарядка от батарей. – Лугатик шагнул к проему в стене и выглянул наружу. – Странно, куда-то подевались все безликие головы, ни одной не видно, даже стража не маячит, странно. Сплошной частокол – и все.

Друзья топтались по залу, слушая Володькин монолог.

Конечно, в роботов никто не верил, но вопрос все-таки повис в воздухе. Лугатик оторвался от стены, растерянно плюхнулся на высокую скамью. Андрюха сосредоточенно опустился рядом, поморщился. Малкин, широко расставив ноги, стоял на месте, зажав подмышкой посох. Досадливо подумал, что следовало бы эту палку оставить на улице. Молчал. Сашка и Катюха жались друг к дружке и не отходили от Ваньки. Все нудились ожиданием. Оно давило неизвестностью. Внезапно в оконные проемы ворвались громкие крики и громыхание, напоминающее звук ударов деревянной колотушкой по пустой металлической бочке. Лугатик и Раппопет вскочили на ноги. Раппопет кинулся к проему в стене, вытянулся, встав на цыпочки, грудью навалился на каменный выступ, выглянул наружу. Лугатик тоже высунулся из проема. Увидели, как к частоколу с разных сторон стремглав бежали безликие воины в кожаных снаряжениях, взбирались по шатким трапам на внутренние оборонительные дощатые настилы вдоль ограждения, на ходу срывали с плеч щиты и луки. Ворота заперли. А из-за палисада сгустками туч полетели стрелы. Изнутри ответили тем же. Стрелы нападающих бились о каменные стены крепости, впивались в деревянные надстройки, влетали в оконные проемы. Их зловещее шипение, скрежет по камню потолка и пола испугнули девушек, заставили Ваньку притиснуть девчат к стене. Внутри частокола кипели приготовления к отражению приступа: бегодня, суета, грохотание повозок. Сквозь оконные проемы Лугатик и Раппопет не видели, что происходило за частоколом, но по тому, как извне прекратился поток стрел, а воины крепости на настилах частокола замерли, стало ясно – ожидается приступ. Так и случилось, началось. Безликое воинство крепости опять пустило в ход стрелы, пока на палисад по лестницам и веревкам не полезли нападающие. Тогда над пиками частокола засверкали мечи. Завязалась отчаянная схватка. Рубили головы, руки, сбрасывали лестницы вместе с нападавшими. Вдоль частокола стоял жуткий рев. Раппопет присел под оконным проемом, прокричал Ваньке, заслонившему девушек:

– наших дел тут нет, Ванька! Не разберешь, кто кого гвоздит! Крошат друг друга. За частоколом ни черта не видно. Откуда только те взялись. И ров, и каменные глыбы не помешали.

А мы, как в капкане. Как рыбы, выброшенные из воды. Рты разеваем, а сделать ничего не можем. Полный облом. Неизвестно, что приготовили нам здесь и чего ждать от тех, кто за частоколом! – опять выглянул наружу.

В какой-то миг почудилось, что схватка вот-вот перекинется внутрь ограждения. Почти весь частокол оседлали такие же оранжевые безликие враги. Ворота под ударами таранов начинали со скрипом поддаваться. Но в это время невесть откуда к защитникам крепости хлынуло свежее подкрепление.

Взбежало на настилы. Внимание Лугатика устремилось на воина с зеленой бляхой на кожаном шлеме. Он был стремителен и изворотлив, орудовал мечом так сноровисто и проворно, что никак нельзя было уловить момент, когда его меч входил в грудь врагу и когда покидал тело противника. Казалось, воин с зеленой бляхой неуязвим, но все-таки шальная стрела ударила ему в спину и сбила с ног. Между тем защитники крепости отбили нападение. Андрюха вытер пот со лба, будто сам участвовал в схватке. А Лугатик удовлетворенно выдохнул, мол, наша взяла. Нападающие откатились, шум за частоколом стих.

Воины крепости стали скидывать трупы врагов с пик палисада наружу, своих убитых и раненых перетаскивали от частокола в заранее определенные места. Лугатик не отрывал глаз от происходящего и был крайне обескуражен, когда с раненого воина сняли кожаный шлем с зеленой бляхой, а из-под него посыпалась копна синих волос. Это была женщина. Володька развел руками, попятился, приседая, как жеребец, которого за узду потянули назад, выдавил из себя:

– Знать, с мужиками здесь туго, раз женщины воют. Угроздило нас, братцы, в какое-то месиво.

В это время защитники по трапам спустились на землю, оставив на настилах немногочисленных дозорных, и принялись за работу, какая всегда появляется после побоища.

Отстранившись от проема, Раппопет подобрал с пола одну из стрел и внимательно приглядывался. Острие металлическое в виде узкого острого кинжала, оперение также из металла, как широкое перо птицы. Озабоченно почесал затылок, показал остальным, но ни у кого не вызвал интереса. Лугатик взял ее, повертел в руке и, недолго думая, запулил через отверстие в стене на улицу.

Тут же с улицы плеснули голоса, выбиваясь из общего гула, началась непонятная беготня, зачастили восклицания. Прошло немного времени, и наружная дверь в зал распахнулась, вбежал недавний их проводник. На нем вместо синего балахона были надеты кожаные доспехи, но безликая голова – без шлема. Он кинулся к Ваньке, поклонился, и в воздухе запальчиво зазвучал глуховатый голос. Бросилось в глаза, что без балахона проводник особенно тощ и узкоплеч. Неожиданно он, скрипя кожей, как пересушенным пергаментом, проворно бросился собирать с пола оставшиеся стрелы, а собрав, протянул Малкину. Ванька не понял такого порыва, озадаченно заморгал, не двигаясь. Машинально глянул на Володьку. Тот, как по команде, выхватил стрелы из оранжевых рук и без задней мысли повторил прежнюю процедуру: вышвырнул во двор через оконный проем. Проводник снова заскрипел кожей, отбивая Ваньке поклоны, закивал безликой головой и коротко наклонил лоб перед Володькой. Стремительно развернулся и выскользнул вон.

В оконные проемы ворвались ликующие голоса.

– Вот так-то, – щелкнул языком Лугатик, – и мне досталось от Ванькиной славы, – повеселел. – А что, приятно чувствовать себя господином, особенно когда тебе кланяется такой верзила. Мы теперь с Ванькой наведем тут шухеру. Знай наших.

Я догадываюсь, что талдычил его голос. Все очень просто, только надо как следует напрячь мозги.

– Трепло, – усмехнулась Катюха, – ты и в русском-то без шпаргалки не обходился, а тут, видите ли, напрягся и допетрил.

Тогда валяй, переведи, коль вдруг так поумнел.

– Запросто, – Лугатик поймал насмешку в глазах Сашки, но в карман за словом не полез, улыбнулся и выдал сходу, на одном дыхании: – Он сказал, что только двое в нашей компании

достойные люди, это Ванька и я. И с этого момента вы все должны нам кланяться, как оранжевый верзила, – Лугатик перевел дыхание, показывая в улыбке зубы.

Смотря исподлобья, Андрюха не испытывал веселья и не воспринял шутку, резко пресек, будто окунул Володьку головой в воду:

– Не дави на уши, балалайка, кончай пускать пузыри! А то сейчас из господина сделаю тебя козлом отпущения!

Примирительно Малкин предположил:

– Скорее всего, в поведении проводника какая-то символика. А действия Лугатика случайное совпадение с этим.

Прошло еще время в томительном ожидании. Все разместились по разным скамьям. В глазах появилась вялость, безразличие. И когда в дверях вновь возник проводник, встретили равнодушно. Тот взмахами рук позвал за собой. В ответ лениво сползли со скамеек и потянулись следом. Проводник толкнул каменную дверь, которую люди не заметили во внутренней стене. Узкая и высокая, она вела в смежный зал чуть меньших размеров, выполненный из того же разноцветного камня. Людям открылось просторное банное помещение с десятком больших чанов, наполненных водой и расставленных вдоль стен. Подле шести чанов неподвижно, как статуэтки, стояли высокие и голые безликие оранжевые девушки с длинными разного цвета волосами, ниспадающими по плечам. Небольшие груди девушек и упругие тонкие тела говорили об их юном возрасте.

Пол под ногами был влажным.

Из безликой головы проводника прозвучало несколько непонятных фраз, после чего оранжевые статуэтки направились к людям. Проводник исчез из купальни, а руки безликих девушек начали снимать с людей одежду. И тут же в воздухе поплыл тонкий приятный запах, расслабляя и успокаивая, над головой закружился странный пар, окутывая людей легкой дремотой.

Друзья не сопротивлялись: желание окунуться в воду пересилило другие настроения. Оранжевые руки бросили грязную одежду на пол и подтолкнули ребят к чанам. Раппопет вытянул сознание из полудремы, повернулся к Ваньке. Мозг пронзило беспокойство. Встревоженно отодвинул от себя оранжевую статуэтку, и почему-то посоветовал Малкину не выпускать из рук посох. Ванькин расслабленный разум обнаружил, что в руке он до сих пор держал палку. Зачем, почему? Ведь она была бесполезна. Теперь нужен только чан с водой. Но пальцы вдруг ощутили жар от посоха, как от горячего металла. Ванька инстинктивно крепче сжал его и полез в воду вместе с посохом.

Медленно погрузился.

Вода в чанах благоухала запахами трав. На парня стало наваливаться ватное состояние, мозг застыл, как толстый сгусток холода.

Однако собрав силы, он мотнул головой, сжал зубы и почувствовал, как ожили мысли, а мышцы стали наливаясь упругостью пружины. Мокрые банщицы лыковыми мочалками старательно и умело докрасна натирали тела людей, с мыльной пеной снимали, казалось, вековую грязь. Вода выплескивалась из чанов, текла по полу к желобам вдоль стен и проваливалась в канализацию. Когда все закончилось и банщицы отодвинулись от чанов, люди, по шею в воде, ненадолго отдались полному покою.

Но вскоре неторопливо начали вылезать из чанов. Оранжевые руки быстро вытирали их тела лоскутами ткани вместо полотенец. После всего банщицы откинули крышку большой плетеной корзины, вдруг появившейся в купальне, и вытащили незамысловатую новую одежду, точь-в-точь такую, какую приятели впервые увидели в толпе любопытных при входе в крепость.

Их привычной одежды нигде не было. Лугатик вопросительно оглянулся и растерянно пробубнил:

– Придется ошиваться в одежде из нового дома моделей. И даже согласия никто не спрашивает. – Глянул на высокую банщицу, которая отмывала его в чане. Девушка на голову выше Лугатика. Мокрое тело было восхитительным, но безликость сводила на нет девичью красоту. Володька смотрел на нее, как на подвижный манекен. – У меня был фирменный прикид, а тут предлагают какой-то сногшибательный закидон. Не буду я это надевать. С чего бы? Хотя офигенная накидка, и штаны немислимого фасона. Ваньке к таким фасонам не привыкать, Андрюхе тоже сгодится, а мне он явно не к лицу, – помолчал, поморщился. – Не знаю, не знаю, впрочем, плевать, коль другого фасона не предлагают, для форса отоваримся этим. Боюсь, обувка будет великовата, но сойдет как проголодавшемуся.

В общем, прибрахалимся. – Взял из оранжевых рук штаны и сунул в них ноги. Банщица помогала.

Положив посох на пол, Малкин отодвинул его дальше от себя, с намерением оставить здесь. А потом, как остальные, нырнул в непривычные одежды. Удивило, что подошел размер. Облачившись, двинулся за банщицей, пригласившей к каменной двери в стене. Но в эту минуту сзади в плечо его мягко толкнула другая банщица и с поклоном протянула посох. Он погрузнел. Избавиться не удалось. Взял палку в руку и шагнул в открытую дверь. Вышли в знакомый зал, где ждал проводник. Уже без воинского облачения и без балахона, в такой же одежде, как на них. Поклонившись Ваньке, повел всех к другой стене с такой же скрытой каменной дверью. Распахнул. Глазам людей открылся новый зал со стенами из ярко-зеленого камня и темно-зеленым полом. Бросилось в глаза, что зал с большими оконными проемами имел необычное оформление из витиеватых ваз, подставок, военных трофеев на стенах. Но разглядеть подробно все не получилось, потому что в глубине зала на высокой скамье, сверкая крупными украшениями, их внимание привлекла женщина с пышными каштановыми волосами.

Очень высокая безликая оранжевая женщина в просторных, расшитых сверкающими драгоценностями одеждах сидела царственно и неподвижно. Драгоценные камни на ее пальцах, обработанные мастерами по глиптике, сияли. Рядом с ней стоял оранжевый безликий мужчина в простой длинной бело-голубой одежде с жиденькими, соломенного цвета волосами и склонялся к ее уху. Вдруг женщина величественно поднялась со скамьи и, легко ступая по темно-зеленому полу, стремительно пошла навстречу людям. Каштановые волосы летели по воздуху, отдавая блеском вплетенных в них украшений. На длинной шее висела тяжелая золотая цепь с драгоценными камнями и крупной сверкающей подвеской в виде острия копья. Яркая зелень стен блекла от блистания движущейся персоны.

Перед Ванькой женщина остановилась, наклонила над ним безликую голову, и он услышал негромкий молодой голос, обращенный к нему. Малкин пожал плечами и покраснел, он не понимал слов, не знал, кто перед ним, и лишь мог предполагать, что видел особу непростую. Ждал дальнейших событий, не выпуская из виду мужчину в бело-голубой одежде, узкоплечего, как их проводник. Тот подошел к парню с другого боку, и Ванька вздрогнул от неожиданности, услышав родной язык:

– Правительница Даконии, Айдука, надеется, что ты совершишь то, чего ждут от тебя даконцы, – отчетливо произнес оранжевый мужчина.

Обрадовавшись знакомой речи, Малкин, да и все, оживился, но фраза сконфузила Ваньку непонятностью, ухватил только, что видит перед собой правительницу. Вперился в соломенные волосы мужчины, забыв в растерянности поприветствовать Айдуку, торопливо задал ему вопрос:

– Ты кто? Почему все безликие?

– Ответ правительнице Даконии. Она ждет, – надавил голос из бело-голубой одежды.

Повернувшись к ней, Малкин глянул снизу вверх, привычно ища глазами лицо, но сильнее смутился и отвесил легкий поклон:

– Извини, правительница Даконии, я не знаю ответа, я вообще не понимаю, что происходит. Пусть кто-нибудь пояснит.

Мужчина перевел ей, и ровный женский голос коротко откликнулся. Мужчина кивнул, после чего люди услышали:

– Я белый маг Аватиал. Даконцы – славный народ, но правительнице Айдуке и ее народу выпало принять удар черных сил и выстоять или погибнуть в этой схватке. Дакония стоит на краю, но предсказание Древнейших дает надежду на возрождение. Твой приход был вписан в нашу летопись, когда ты еще не родился. Мы ждали этого времени. Моя магия показала, что ты появишься именно здесь и именно сейчас. Я узнал тебя. Ты тот, в чьих руках спасение Даконии. Тебя избрал Магический Совет Трех Стихий Жизни Древнейших. Поэтому правительница обращается к тебе.

Неловко переступив с ноги на ногу, Малкин зачем-то одернул спереди накидку и, перебарывая услышанное, переложил из руки в руку посох:

– Это ошибка, правительница. Вы не могли ждать меня.

Потому что никто не мог избрать меня, когда я еще не родился.

Я шел не к вам, мы просто заблудились и вообще не понимаем, как сюда угодили. Маг все перепутал. Маги вечно мутят воду.

Мы случайно тут очутились. Мы вообще из другого мира. Вряд ли чем-то я смогу помочь тебе и Даконии. Какое спасение?

Кроме этой палки, как видишь, в руках у меня больше ничего нет, – показал на посох в руке, испытывая дискомфорт от чувства, что тело словно начинал засасывать невидимый водоворот. Нахмурился. – Что, собственно, происходит? Я впервые слышу о Даконии и даконцах, понятия не имею, в каком конце света и в каком мире это находится.

Голос Аватиала над головами людей перевел правительнице монолог Малкина, та снова кивнула и снова произнесла негромкие незнакомые слова, вылетевшие, казалось, ниоткуда.

Маг поклонился, прошуршав одеждой, и озвучил для людей:

– Правительница Айдука согласна: сначала вы должны постичь язык даконцев, узнать о Даконии и о том, что здесь происходит. Свежие познания помогут вам.

Засопев, Лугатик рядом с Малкиным тонко крикнул и присвистнул, вмешиваясь в разговор:

– Это мероприятие на целый год, – протянул недовольно и разочарованно. – Лично я не собираюсь на целый год за парту садиться. На кой ляд мне учить ваш язык? Зачем мне сдалась ваша Дакония, не хочу ею забивать мозги! Мне по барабану непознанные знания. Я люблю сам решать, чем заниматься.

К вам не просился, ваших условий не принимал. И вообще, на голодное брюхо никакая учеба не пойдет. Загнемся прежде, чем балакать по-вашему научимся.

– Правительница уже распорядилась, – успокоил голос Аватиала. – С голоду вы не загнетесь. Но сначала следуйте за мной, – и маг большими шагами направился к двери в боковой стене, полы длинной одежды разошлись, открывая кожаную обувь без каблуков с завязками поверху.

Айдука стояла прямая и величественная, жестом отправляя людей за магом. Пришлось подчиниться. Шестеро, упакованные в одинаковые наряды, гуськом потянулись за Аватиалом.

Лугатик недовольно бурчал себе под нос, Раппопет набычился и смотрел исподлобья, в глазах девушек плавало любопытство, ни у одной из них не появилось скрытого либо явного беспокойства.

Маг привел людей в зал из голубого камня, имевший в центре искусственное каменное возвышение алого цвета, опоясанное цепочкой серых камней меньших размеров. Голубизна

камня, каким выложены стены, была глубокой и чистой, как высокое безоблачное небо. Под ногами пол цвета морской волны создавал иллюзию бездонной водной глади, где в густой пучине живет необъятный магический мир. Ноги Аватиала не шли, а мягко скользили по этой глади в направлении к алому камню. Взгромоздившись на него, маг выпустил в воздух свой голос, пригласивший остальных располагаться на серых камнях. Малкин озадаченно осмотрелся, покрутил в руке посох и опустился на неровную поверхность ближайшего серого камня. Девушки сначала потрогали камни ладонями, ощутили идущее изнутри тепло и тоже тихо устроились с двух сторон от Ваньки. Раппопет и Лугатик сделали это с явной неохотой, бухтя и хмыкая, поелозили задами, ища удобное положение.

Все взгляды устремились на Аватиала. Голос мага на сей раз вырвался, будто из центра алого камня, вознесся к потолку, распространился по залу и сверху опустился на друзей, произнося магические заклинания. Маг поднял руки, и у людей стали закрываться глаза, в телах появилась легкость, конечности перестали ощущаться. Все заснули. Подвергнутые магической гипнопедии, во сне сначала оторвались от камней и воспарили в воздухе, потом стали на ноги и начали приседать, затем сели на пол и закачались из стороны в сторону, издавая поющие звуки, и после снова вернулись на камни, обхватив руками головы.

Мозги закипели от работы, погружаясь в историю Даконии.

О Даконии, как о военном объединении племен предгорий Дакона, впервые упомянуто в 1122 срок летописи Бытия Трех Стихий Жизни. Тогда отдельные племена даконцев сценировала волевая, жесткая рука вождя и мага Андролура-Объединителя. Он организовал войско, провел много победных битв и инкорпорацию разрозненных земель и стал пробандом в генеалогии правителей Даконии. После него начались времена процветания, когда Дакония бурно прирастала новыми землями. Это продолжалось очень долго. Однако не бывает всегда все хорошо.

Через много-много сроков, во время правления Кропия, перед битвой с темными племенами юватов их черная магия лишила разума брата жены Кропия. Тот выкрал один из символов высшей власти Даконии и передал черным духам Тьмы, Бездны и Безумия. Сражение было проиграно, на даконцев опустилась черная мгла и скрыла их лица. Вернуть лица и прежнее величие даконцев можно было, только возвратив символ. Но никто в Даконии не знал, где он и как вернуть его. А у брата жены Кропия выяснить было невозможно, ибо нашли его вскоре без головы на лесной тропе.

И наступила длительная пора увядания, бездарных решений, конфликтов, трайбализма, проигранных войн, унижения, пьянства и обнищания Даконии. Элита разложилась, сибаритствовала, подсиживала друг друга. Воинские начальники жирели, воины обленились, разучились управляться с луками, копьями и мечами. Только жрали в три горла, хвастали победами великих предков, потому что своих не имели. Бездельничали и пустозвонили по всякому поводу. Становились жуирами, пресыщались разгульной жизнью, предавали все и всех. Множество даконцев бродяжило и разбойничало, затевая смуты против властей. Земледельцы и охотники отказывались кормить воинских начальников с их воинами. А правители зазывали наемников, чтобы держать даконцев в узде и сохранить Даконию от парцелляции. Однако обновить раскрученный маховик было трудно. Селения и крептолы хирели, жилища ветшали.

Недавние герои Даконии, приобретшие статус Непобедимых, заперлись в ошетилившихся твердолах и не высовывали носа за пределы своих парцелл. Магические колодцы поросли травой, перестали открываться, потому что никто не хотел заглядывать в них. Правителей нередко убивали, перехватывали из остывающих рук символы правления.

Так и приблизились к правлению любвеобильного правителя Куремы, который менял жен, как стрелы для лука во время охоты. Но скоро и его нашли в спальне с перерезанным горлом. Символы высшей власти перехватила Фако – двадцатая и последняя жена Куремы. Стала заворачивать круто, поставила Даконию на дыбы, устанавливая новые порядки. Земля

под ногами у вельмож зашаталась. И началась череда покушений на Фако, но все попытки приводили ко вспарыванию животов участникам событий. Фако не церемонилась. Ибо не было другого пути, чтобы остановить гниль, ползущую по Даконии.

И вероятно, Фако смогла бы повернуть события в нужное русло, но вдруг занемогла, догадываясь, что ее отравили, и едва успела передать символы высшей власти своей сестре Айдуке.

Между тем Айдука сильно отличалась от Фако, была мягкой и доброй, и это стало ее несчастьем, ибо правитель не должен быть добрым, правитель должен быть беспощадным, но справедливым. Приближенные считали Айдуку слабой правительницей, с новой силой разжигали интриги, сплетая их в паутину распрей. Сторонники предупреждали об опасности, но она доверяла улыбкам и словам всех, кто намеревался вцепиться ей в горло. Начались новые заговоры: комплот за комплотом. Это изматывало правительницу.

Дети Фако перегрызлись, доказывая, что правление должно было достаться по наследству одному из них. Средняя сестра Фако, Манава, тоже претендовала на правление, утверждая, что символы высшей власти принадлежат ей по старшинству. А младший брат Айдуки, Инуфрон, заваривал свою смуту.

В ход шли любые инсинуации. Претенденты на трон открыто требовали от Айдуки абдикации. Особенно отличалась Манава – стерва от мозга до пят. Вокруг нее сколотилась котерия, готовая зубами рвать правительницу. Военские начальники мутили воду в войске, перетягивая канат на себя. Управляющие землями тоже ловили рыбку в мутной воде, развязывали языки и уклонялись от исполнения установок Айдуки. Все меньше рядом с нею оставалось тех, на кого можно было опереться. Клубок ядовитых змей сжимался. Ситуация вздулась, как вызревающий нарыв, готовый вот-вот лопнуть.

Появилось множество вещателей, они, как менестрели, бродили по дорогам и тропам, трепали по ветру языками и предрекали Даконии гибель. А причислявшие себя к инсургентам расплзались, как гельминты, по просторам Даконии.

Сбивались в группы, шайки, ватаги и превращались в обыкновенных грабителей, промышлявших разбоем. Разбойники из коренных жителей Даконии называли себя повстанцами.

Шайки, сколоченные из бывших наемников, назывались бандами убийц. Между тем и те, и другие мало чем отличались.

Грабили и убивали одинаково. Это было как люэс. Остановить можно было только крайними мерами. Но на это решимости и сил у правительницы не доставало. И только одно вселяло надежду: в летописи Бытия Трех Стихий Жизни осталось предсказание Древнейших о том, что в смутный год ожидания выхода на волю черных сил отчаявшаяся птица с выданным пером, без глаз и клюва, покинувшая большое гнездо и забившаяся в щель, взлетит снова, если обопрется на незнакомую руку с посохом. Лишь тогда она вернет свое перо и откроет свету глаза и клюв. Белый маг Аватиал истолковал, что птица без пера – это Айдука без одного символа высшей власти.

На этом видения прекратились. Люди открыли глаза, приходя в себя. Мозги наполнились новыми познаниями. Резко оторвавшись от алого камня, Аватиал зашуршал одеждой, встал на ноги, стряхивая с себя пыль Прошлого. Голос его вошел в уши Малкина:

– Теперь ты знаешь Прошлого даконцев, наш язык и предсказание!

Соскочив с серого камня, Малкин нескладно распрямился:

– Отчасти, Аватиал, отчасти. Только то, что ты вбил мне в голову. Думаю, это далеко не все Прошлого, было много и других событий. Но объясни, почему считаешь, что правильно истолковал предсказание и связал его со мной? Я не вижу никакой связи. Этот посох, что ли? Случайно подобранная палка. Да она у кого угодно могла оказаться в руках. Ты заблуждаешься. Мир устроен не магами, хоть вам подвластны многие стихии. Однако не всегда магам удается разгадать его, заглянуть в тайны тотемов и капищ, расшифровать руны, постичь пророчества

и увидеть будущее. Маги не могут изменить *modus vivendi* даконцев и их способность к выживанию. Все определено средой обитания. Уничтожь ее – и уничтожишь жизнь, которая была в ней. Ты понимаешь, к чему могут привести твои заблуждения?

Ответив не сразу, Аватиал сделал круг по залу, едва касаясь серых камней полами белоголубого одеяния. Задержался перед Малкиным, вскинул безликую голову. Оранжевая кожа на месте лица не имела ни единой морщинки. В оконном проеме появилась птица-почтальон, замерла в воздухе, опираясь на него крыльями, затем села на край проема и защелкала, широко раскрывая изогнутый клюв. Маг, внимая птичьему шелканью, двинулся к проему и протянул руку. Птица прыгнула ему на ладонь и заворковала. Аватиал, вслушиваясь, второй рукой понимающе погладил ей спинку. После воркования птица вспорхнула и исчезла. А люди услышали голос мага:

– Ни я, ни другие белые маги не настаиваем на том, что в наших устах истина последней инстанции. Но мы убеждены, что предсказание показывает путь к спасению Даконии, – Аватиал умолк, отходя от оконного проема к алтому камню. Прикоснулся к нему пальцем, и камень выбросил в потолок сноп алых лучей. Зал запылал красками, стены словно ожили и раздвинулись, и в центре луча возник огненный посох, как две капли похожий на посох Ваньки.

Ошарашенно Малкин пошарил руками вокруг – посоха не было. Парня пробил холодный пот. Но в этот момент алый сноп погас, и зал вернулся в прежнее состояние. Ванька вновь ощутил, как пальцы крепко сжимали посох. Новый озноб пробежал по телу. Не разжимая ладони, парень выдохнул воздух и расслабился: уф, чертова магия, почудилось все. Друзья Малкина поднялись с серых камней и подступили к магу:

– погоди, – вопросительно воскликнул Володька Лугатик, – значит, мы оказались здесь из-за Ваньки? Предположим, Магический Совет Трех Стихий Жизни Древнейших много времен назад выбрал Ваньку, но мы-то здесь причем? Берите его голеньким, а мы потопаем дальше. Мы, кажется, не обязаны вытаскивать Даконию из черной дыры.

Лугатик по привычке заскользил ладонями по бедрам, намереваясь сунуть руки в карманы, которых не нашел в новой одежде, потом по животу, потом нервно сунул ладони под мышки, словно не знал, куда их деть, и будто те оказались лишними сейчас.

– Вы связаны между собой, – спокойно отозвался голос Аватиала.

– Что значит «связаны»? – раздраженно рубанул Андрюха Раппопет. Он стоял с хмурым выражением на лице, как человек, не находивший выхода из положения, и отдающий преференции исключительно тому, кому доверял. К Аватиалу в настоящий момент у Раппопет чувствовал неприязнь. – Почему ты все решаешь за нас? Это насилие. Говоришь, что ты маг света, однако от тебя разит черным душком. Твоя магия не дает тебе права распоряжаться нашими жизнями. Легко издеваться над теми, кто не может ответить тем же! – сказал он.

Голос Аватиала прозвучал умиротворительно:

– Я защищаю даконцев, среди них вырос и живу! Давно, когда мой отец преподавал мне первый урок магии, он сказал:

«Помни всегда, что даконцы дали тебе жизнь, и ты должен этой жизнью вознаградить их». И теперь, когда Дакония оказалась на грани гибели, я не думаю, насколько я прав в своих действиях по отношению к вам, я направляю все свои и чужие силы на спасение даконцев. Вам следует понять, что вместе вы сильнее!

– Спасибо за откровенность, Аватиал, – проговорила Сашка и чуть отодвинулась. Ей сделалось не по себе. – Получается, все маги одним духом пропитаны. Чем же ты лучше мага тьмы?

– Всем, – отозвался голос Аватиала, маг приблизил безликую голову к Сашке. Оранжевая рука легла ей на плечо и, обездвижив девушку, придавила к полу. – Я ищу дорогу, а маг тьмы – скрывает ее.

– Ладно, когда расставлены точки над «і», – с некоторой долей растерянности протянул Ванька, – хотелось бы знать, – он сверху вниз провел ладонью по деревянному суку, – что теперь делать с этим посохом? Может, выбросить, чтобы не мешался больше? Он, похоже, свою роль отыграл. Указал на меня. Иначе твоя магия, Аватиал, вряд ли открыла бы тебе меня. Хотя я мыслю, что это простая случайность, совпадение. Даконцам не стоит полагаться на случай, потому что я мало что могу сделать для них. Я уже говорил об этом. Едва ли вообще что-то могу. Я не обладаю магической силой. Боюсь, ты крепко ошибся, Аватиал.

– Магический Совет Трех Стихий Жизни всегда наделяет силой тех, чье предназначение определяет! – заплескался между стенами голос мага. Он убрал руку с плеча Сашки, и девушка встрепенулась. Аватиал выпрямился, возвышаясь над Малкиным. – Ты – Предсказанный. Тебе надлежит найти путь к возрождению Даконии. Моя магия утверждает, что магические силы Трех Стихий Жизни не покинут тебя, как бы тяжело тебе ни было! Ты избран, чтобы противостоять черным духам Великой Пустоты. Чтобы отыскать утраченный символ власти, узнать его тайну и сбросить безликость с лиц даконцев.

– Закрутил маг, – с усмешкой присвистнул Андрюха Раппопет. Стоять на одном месте и задирать лицо на безликую голову ему надоело. Для удобства он передвинулся шагов на пять назад, к серым камням. – Разложил по полочкам. Разутюжил Ваньку, как цыпленка табака. Но не сказал, какие роли у нас. Ведь мы можем упереться рогом и Ваньку к стенке припереть! – Раппопет воинственно раздул щеки. – Зачем нам помогать Малкину вытаскивать из затмения твою Даконию?

– Черные духи Тьмы, Бездны и Безумия опасны для вас так же, как для даконцев. Без Предсказанного вы не сможете здесь выжить, – откликнулся голос Аватиала.

Вновь Ванька посмотрел на посох, как на ненужную уже палку, лишнюю в этом красочном зале, кинул глазами по сторонам, как бы примеряясь, куда отставить. Повел взглядом по друзьям и вздрогнул, почудилось, что их головы безлики, отчего по телу прошла горячая волна, а спина покрылась испариной. Уж не на их ли безликость только что намекал Аватиал, когда предупреждал об опасности? Малкин рывком протер глаза. И облегченно вздохнул, когда вновь увидал лица. Спор с Аватиалом показался бессмысленным. Пригладил вечно торчащие в разные стороны волосы и глянул на Раппопета, словно одернул того. Андрюха насупился и дал задний ход. Сашка смотрела на Ваньку спокойно, и тот поймал себя на мысли, что в банном зале с удовольствием косился на красивое стройное Сашкино тело. Катюха сосредоточенно уткнулась глазами в пол.

Поодаль – Володька, руки скрещены на груди, с неопределенным выражением на лице. Рядом с ним Карюха с легкой досадой в глазах. Задержав взгляд на Аватиале, Ванька спросил:

– Что дальше?

– Правительница Айдука продолжит разговор с тобой, – ответил маг, и его рука указала в сторону двери.

– Сначала объясни, о каких Трех Стихиях Жизни ты ведешь речь? – поинтересовался Ванька.

– Три основы Жизни: Свет, Любовь и Преодоление, – сказал Аватиал. – Магия этих Стихий сохраняет Прошое, Настоящее и Будущее Жизни.

– Тогда зачем нужен я? – удивился парень. – Маги Трех Стихий могли бы сами повернуть все, как нужно.

– Поэтому они тебя направили сюда, – подтвердил Аватиал.

– Замкнутый круг, – с недоумением заметила Карюха.

– Все предопределено, – объяснил маг. – Черные силы разрушительны, – в голосе послышалась тревога. – Вырвавшись из бездонной Пустоты, они сотрут будущее. Ты призван остановить их.

– Не повторяйся, Аватиал, – посоветовал Ванька. – Я чувствую, ты взваливаешь на мои плечи непосильную ношу. Хорошего мало. Если все так серьезно, как ты говоришь, то согнуть здесь проще пареной репы. Я всего лишь простой человек. Так зачем же мне совать голову в пасти черным духам? И зачем подставлять своих друзей?

От слов Малкина Катюху передернуло. Перед глазами поплыл злой оскал тьмы, под ногами будто ожили зеленые гиблые трясины нечистых болот. История даконцев увлекательна, пока не втягивает тебя в свой круговорот. Никому не хочется быть разменной монетой. Катюха повела плечами, сгоняя с позвоночника неприятные мурашки. Из пересохшего горла донесся короткий сдавленный сип. Но преобразоваться в слова не успел, ибо вперед выступила Сашка:

– Едва ли Аватиал способен что-либо изменить, – сдержанно сказала Ваньке. – Не наседай на него. Надеюсь, он не ошибся, что ты и есть Предсказанный. Придется принять все, как неизбежность, коль мы уже очутились в этой дыре. Разумеется, никто из нас не желает провалиться в болотную жижу или угодить под стрелы и мечи. Но выбор где? Получается, что здесь твоя дорога предначертана, и какая она будет, придется узнавать в пути. А мы с тобой, Ванька, одной веревочкой связаны. Кто знает, сколько еще всякого впереди.

Остальные зашевелились, переглянулись, поддерживая Сашку, и устремили взгляды на Ваньку. Широко расставив длинные ноги, Малкин стиснул в руке посох, набрал в легкие воздух и плотно сжал губы. Затем выдохнул и проговорил:

– Тогда не будем терять время. Веди, Аватиал. Нельзя заставлять ждать правительницу.

Через высокую узкую дверь Аватиал вывел их в неширокий проходной бело-розовый коридор с длинной щелью под потолком вместо оконного проема. Сквозь нее пробивалась яркая полоса света, вгрызаясь в камень противоположной стены, и слабо рассеивалась по проходу. Миновав коридор, они очутились в зале средних размеров с бледно-желтыми стенами и белым полом, в центре которого красовался огромный, из массивного бело-зеленого камня треугольный стол. Зал хорошо освещался светом, льющим извне сквозь высокие оконные проемы. К высокому потолку над каменным треугольником были прикреплены плоские, оригинально выполненные из металла и цветных минералов светильники со свечами в центре. По сторонам стола люди увидели небольшие, но высокие, под рост даконцев, белокаменные скамьи, против них на столешнице стояли обыкновенные рыбные блюда. Кушанья на плоских расписных глиняных чашах дышали тонким ароматом. На таких же плоских, но меньших по размеру чашах лежали толстые квадратные хлебные лепешки. Запах пряностей притягивал.

В животах у людей заурчало. Со стороны тупого угла стола стояла резная скамья с высокой спинкой из ярко-жёлтого камня, на которой торжественно восседала безликая правительница в роскошном одеянии. По двум сторонам от нее разместились безликие придворные вельможи. Все были одеты в одинаковую одежду, напоминающую ту, в какую обрядили людей, только с дополнениями в виде нашивок и вышивок, соответственно придворному статусу. Каменная скамья вдоль третьей стороны стола против правительницы была свободна. Аватиал подвел к ней людей, произнес:

– Айдука приглашает вас.

Правительница кивнула головой и протянула руку навстречу. Над столом проплыл ее негромкий молодой голос:

– Язык даконцев несложен. Не правда ли?

– Если бы ты знала наш язык, могла бы также оценить его, – как обычно, сунулся вперед Володька Лугатик, сглотнул слюну и, потирая руки, первым забрался на высокую скамью.

За ним – остальные. Ванька сел посреди друзей, визави с правительницей, прислонив к столу посох. Скамья была жесткой и широкой. Ноги Малкина едва доставали до пола, ноги приятелей висели в воздухе.

– Ладно, – отозвался доброжелательный голос Айдуки. – Обещаю выучить ваш язык после возрождения Даконии. А сейчас попробуйте кушанья даконцев, – показала на блюда. – Наша пища проста, мы не делаем из нее культа. Главное в пище, чтобы она была полезной и придавала даконцам необходимые силы. Эти блюда все из рыбы. Не обессудь, Предсказанный, что я, правительница Даконии, встречаю тебя в этом дальнем одиноком твердоле, ибо совсем недавно мне пришлось спешно покинуть столичный твердол правителей Даконии. Но так предначертано. Отсюда направляюсь в крептол Валахи. Об этом поговорим позже. Теперь же я представлю тебе моих верных вельмож, которые остались преданными мне и сидят за одним столом со мной, несмотря ни на что. Здесь Главный военачальник: Первый бурхас Даконии, Чигибон, – Айдука показала на даконца с белыми волосами и желтыми нашивками вдоль рукавов на одежде, и тот кивнул безликой головой. – К сожалению, войско даконцев, состоявшее из наемников, вышло из повиновения и раскололось на части, эти части грызутся между собой, мародерствуют, у каждой части свой бурхас, и каждый объявляет себя Первым. Управляющие землями бракуты предают меня один за другим, провозглашают в бракутриях правителями Даконии либо моего брата Инуфрона, либо мою сестру Манаву, либо кого-нибудь из моих племянников, либо всякого самозваного бурхаса, а иные набираются наглости объявлять себя. Но у всех претендентов костью в горле застряла я.

Лишь некоторые остаются верными мне, как, например, бракут Пуватон, сидящий рядом со мной, – рука правительницы указала на даконца с красными волосами и синими вышивками на правой половине одежды, тот пригнул безликую голову, являя плоский затылок. – Этот твердол, – Айдука повела рукой по залу, – располагается в бракутрии, управляемой бракутом Пуватоном. Но и на эти земли уже начались набеги. Вы были свидетелями одного из таких нападений сегодня. Мои враги идут за мной по пятам. Все дело в том, что ни один из претендентов не может стать правителем Даконии, пока жива я, если я не откажусь от символов высшей власти. А я отказываться не собираюсь. Мои приближенные слышать не хотят о том, чтобы я передала символы правителя кому-то из моих родственников, потому что все они подло обманывали меня и предавали.

Следовательно, чтобы завладеть символами высшей власти, им нужно меня убить. Все очень просто. Загвоздка в одном: каждый из моих врагов намерен сделать это сам и не хочет, чтобы я стала жертвой его противников, ибо в этом случае символы высшей власти достанутся другому. Это заставляет их противодействовать друг другу. И помогает мне. Между тем если я погибну, начнется обыкновенная свара, резня среди многочисленных претендентов. Дакония опустится во мрак прежде, чем маги ожидают этого, – погрузневший голос Айдуки сделал томительную паузу. – Моя предшественница Фако, от которой я приняла символы правительницы Даконии, взяла с меня слово перед смертью, что я все сделаю, чтобы Дакония вернулась к процветанию. Я стремилась к этому, но меня никто не понял.

Я не рубила головы, не насаживала никого на копья, не выпускала никому кишки, как это делала Фако, а мои приближенные считали это слабостью. Сильный правитель – это жестокий правитель. Так учит история. И я могла и могу быть жестокой, но если жестокость оправдана. До сих пор я не находила оправдания жестокости. А теперь вижу, что не всегда была права. Твердость правителю необходима. Однако я по-прежнему не хочу, чтобы страх и ужас управляли Даконией, – голос Айдуки умолк, она высоко вскинула безликую голову и замерла, ожидая ответа Малкина.

– Я понимаю тебя, правительница, – откликнулся Ванька. – Тебе нелегко сейчас, тебя некому защищать. С тобой Первый бурхас Даконии Чигибон, но у него нет войска. С тобой бракут Пуватон, какой наверняка ждет не дождется, чтобы ты быстрее убралась из его земель. Ты думаешь, что сможешь укрыться в крептоле Валахи, но к любому крептолу рано или поздно подбирают ключи. Что дальше?

Правительница не изменила позы. Блеск драгоценностей на одежде оставался спокойным. Только оранжевые пальцы на столешнице чуть раздвинулись, ладони вздрогнули и плотнее прижались к крышке. Перстни сверкнули вспышками граненых камней. А вспорхнувший над столом голос Айдуки словно стал цепляться за эфемерную надежду:

– Я была у магических колодцев духов. Светлые духи со мной.

– Сейчас тебе больше помогли бы воины, а не духи, но их у тебя слишком мало, – с сожалением заметил Ванька.

– Я верю в тебя, Предсказанный, – Айдука резко привстала со своей высокой скамьи, резко дернула безликой головой, каштановые волосы рассыпались по плечам, драгоценности на одежде и в волосах вспыхнули, сливаясь в одно ослепительное сияние. Приподняла ладонь, этим жестом как бы не допуская возражений, и закончила: – Этот стол в твою честь. Отведай нашу пищу. Это, конечно, не пышный столичный прием, но это стол правительницы Даконии.

– Правительницы? – недовольно глядя на блюдо из сырой рыбы, с ухмылкой проговорил Андрюха. – От всей Даконии у тебя остался один этот твердол. И из него, того гляди, вот-вот вышибут, если раньше ноги не унесешь. Твой Первый бурхас бежит, как последний вояка. Зачем ты держишь его возле себя, если он остался без войска? Не понимаю.

В тот же миг речь Раппопета прервалась взрывом незнакомого голоса, заметавшегося между стенами зала, без слов, на одной угрожающей ноте. И Чигибон начал подниматься с места. Однако Айдука крепкой рукой удержала. А Малкин осадил Андрюху, дернув за край одежды. Проговорил примирительным тоном:

– Не сердись на него, Чигибон. У моего друга от голода мозги плохо варят.

Недовольно Раппопет проглотил «пилюлю». Даконцы в это время короткими острыми ножами с длинными рукоятями из минерала с золотым отливом разрезали рыбу на куски.

Насадил на острые спицы и стали подносить к тому месту на голове, где должен находиться рот. Люди смотрели, широко раскрыв глаза. Куски начали исчезать со спиц один за другим.

Так же и куски хлебных лепешек – из оранжевых пальцев вельмож. В никуда. А над головами людей снова поплыл голос Айдуки:

– В магических видениях, куда погружал вас маг Аватиал, вы познакомились с выдержками из истории Даконии, видели даконцев с лицами, узнали, как мы стали безликими. Сейчас мы видим все вокруг, кроме лиц друг друга, никто не видит их, хотя они есть. Мы принимаем пищу и говорим невидимыми ртами. Но за этой невидимостью мы по-прежнему такие же, как были когда-то.

Выслушав, Малкин молча взял в руки нож, порезал рыбу, наколот на спицу и отправил в рот. Затем – лепешку. Медленно прожевал, проглотил и удовлетворенно кивнул. Его друзья последовали примеру. Безмолвное поедание пищи продолжалось некоторое время. Когда чаши опустели, за спинами вельмож возникли три высоких служанки с тонкими талиями и торчащими голыми девичьими грудями, в мизерных желтых передничках на голых бедрах. Две – с тазами с водой, третья – с лоскутом ткани. Подошли к правительнице. Айдука окунула руки в воду сначала в одном, затем в другом тазике, потом промокнула лоскутом. После чего девушки гуськом направились к Ваньке. И тот, конфузливо улыбаясь, тоже опустил руки в тазики по примеру правительницы. Вслед за ним служанки поднесли тазики друзьям Малкина и вельможам. А по окончании процедуры скрылись за выступом в стене. Далее из-за выступа возникли несколько новых служанок в таких же передничках на бедрах с полукруглыми глиняными пиалами на подносах.

Стремительно расставили пиалы с черным напитком и унесли пустую посуду. Малкин вдохнул запах напитка, попробовал на вкус, причмокнул. Понравилось. Друзья тоже оценили.

На протяжении застолья Айдука сидела прямо, как будто в спине находился металлический стержень, только голова слегка покачивалась, а крупные драгоценные камни в роскошных каштановых волосах слепили глаза. Просторные, расшитые драгоценностями одежды отличались изысканностью: ткани воздушные, прозрачные, сквозь них просвечивалась оранжевая кожа. Рисунок из драгоценного шитья на одеждах походил на магические знаки, какие встречались на тотемах даконцев в магических видениях. Безусловно, такое шитье имело какой-то таинственный смысл. Вельможи ели безмолвно. Чигибон тоже больше не издал ни единого звука. И лишь когда служанки все убрали, Айдука расслабила мышцы, откинулась к спинке ярко-желтой скамьи и подала голос:

– Скажи, Предсказанный, ты готов впереди меня отправиться с моим поручением в креп-тол Валахи?

От неожиданного вопроса Ванька растерялся, замешкался, как будто представлял свою роль несколько иначе. Поискал глазами Аватиала. Правительница подождала, спросила:

– Ты ищешь мага? Но разве ты не видел, как он покинул нас?

К своему стыду, Ванька действительно не заметил исчезновения Аватиала. Неприятно поежился, как от укола.

– Ты думаешь, Аватиал придворный маг? – продолжила Айдука. – Нет, он прибыл сюда, чтобы встретить тебя. В Даконии нет придворных магов. Маги не могут быть придворными, потому что управляют силами, неподвластными правителям. Даконцы обращаются к магам, когда без них невозможно обойтись. Тебе, Предсказанный, маг не нужен, Аватиал сказал, ты должен сам принимать решения, – правительница чуть наклонилась вперед, и драгоценности оживились новым блеском. – Печально, но твой друг прав, мои приближенные вельможи сейчас не могут надежно защитить меня от предателей и врагов. Меня спасает то, что враги разрознены. И я решила усложнить им задачу: разделить символы высшей власти. Разделенными завладеть сложнее. А чтобы они наверняка не попали в руки недругам, доверяю их тебе и твоим друзьям.

Озадаченно Малкин завозился на месте, каменная скамья под ним как будто стала горячей. Его голос, возражая, чуть надломился:

– Не делаешь ли ты ошибку, Айдука? Отдавая мне символы, ты передаешь власть. Ведь без символов высшей власти ты не правительница, от тебя последние придворные разбегутся.

Мне не нужна твоя власть.

– Я не отдаю тебе символы, Предсказанный. Они тебе не нужны, – спокойно проговорила она. – С тобою сила Трех Стихий Жизни, эта сила мощнее моей. В твоих руках магический посох. Твоя власть сильнее моей. Скоро ты убедишься в этом.

У меня сейчас три символа. И должно теперь не только отыскать и вернуть четвертый, но и сохранить эти по пути в крептол Валахи. Потому прошу тебя, Предсказанный, стать Спасателем одного из них, второй поручу тому из твоих спутников, на какого укажешь сам. С третьим пойду сама. В крептол Валахи направимся тремя разными путями, известными только тем, кто будет сопровождать Спасателей символов. Первое сопровождение из моих воинов пойдет с тобой. Проводник – Унторий. Ты его знаешь. Он проводил тебя в этот твердол. Второе сопровождение возглавит Спасатель, названный тобой, проводником будет Будорг. Он справа от меня. Я верю ему как себе.

Он хорошо знает лесные тропы, умеет обходить опасные места.

Третье сопровождение будет моим. В крептоле Валахи символы опять соединятся в моих руках. Там меня ждет войско верного бурхаса Иркора. Оттуда я начну большой поход в поисках четвертого символа и против моих врагов, – голос Айдуки в этот момент был тверд, как камень, из какого была сделана ее высокая скамья.

– Твои намерения мне понятны, правительница. Но, – Ванька слегка покрылся румянцем, – посмотри с другой стороны, ведь эти малочисленные сопровождения весьма уязвимы и могут быть легко уничтожены.

Айдука не шелохнулась. Малкин не видел ее лица и не мог представить, какие эмоции в этот момент переживала правительница, но руки и пальцы ее были совершенно спокойны, что могло означать: Айдука была уверена в правильности своих действий. Ее голос как будто потек по столу навстречу Ваньке:

– Надеюсь, что среди присутствующих нет предателей, – разноцветные безликие головы вельмож в ответ на слова правительницы молчаливо закивали. – Конечно, путь будет нелегким, но врагов нужно перехитрить. Не оставляйте следов, избегайте схваток, обходите места, где обитают черные духи, водятся звери, нечисть и чудовища. Несомненно, лучше быть охотником, чем дичью, но неужто из-за этого ты откажешь мне в помощи, Предсказанный?

Малкин был озадачен. Роль Спасателя символа для него – темный лес, к тому же он не знал, кого из друзей предложить вторым Спасателем. Предлагая одного, невольно как бы не доверял другим. Между тем отказать Айдуке было невозможно. По телу прошел жар: в этот миг новая одежда показалась тесной, захотелось выползти из нее, как из собственной кожи. Молча кинул взгляд на друзей. Те ждали, положив руки на столешницу.

Безмолвие затягивалось. Но Айдука не торопилась. Первой сбоку оживилась Сашка. Она, кажется, поняла причину Ванькиной нерешительности. Потому, повернув к нему лицо, говорила:

– Я согласна идти с Будоргом.

Как будто груз свалился с плеч парня. А полная неизвестность, которая ждала впереди, показалась обыденной. Синеволосый Будорг странно перекосил шею и вывернул голову после Сашкиных слов, как будто намерение девушки вызвало в нем раздражение. Потом шея выпрямилась, тело вытянулось, Будорг сделался каким-то плоским, точно его прокатали через глезер. Малкин посмотрел на правительницу и определенно изнутри безликости почувствовал ее взгляд. Твердо сказал:

– Это второй Спасатель, Айдука, – показал на Сашку, а затем на Раппопета, – вместе с нею пойдет он.

В ответ правительница кивнула, а Будорг нелепо заелозил на скамье и закричал. Андрюха в свою очередь от неожиданности передернулся, замялся, подпрыгнул на месте, нервно пальцами ища пуговицы рубашки, забыв, что на нем надета другая одежда. Надул щеки, наморщил лоб, насупился и невпопад заговорил, обращаясь к правительнице:

– Объясни, Айдука, зачем вражьи стрелы, угодившие в оконные проемы во время нападения на твердол, Унторий преподнес Ваньке? И почему, когда Лугатик выбросил их во двор, кланялся и Ваньке, и Володьке?

– Даконцы кланяются тем, кого чтят, – ответила она. – Лугатик показал уважение к защитникам твердола, выбросив стрелы врагов. А Предсказанный презрел врага, не прикоснувшись к стрелам, – правительница скрестила перед собой оранжевые пальцы и крепко, до хруста, сжала.

Глухо Раппопет закричал, поджав под высокое сиденье ноги. А Ванька продолжил прерванный Раппопетом разговор:

– Какие из символов, правительница, ты доверишь мне и Сашке и когда мозгуешь отправиться в крептол Валахи?

Айдука всем телом наклонилась вперед, желая приблизить безликую голову к Малкину, тотемный знак на ее одежде засверкал драгоценностями и потерялся в складках, после этого прозвучал знакомый голос:

– У меня есть еще одна просьба, Предсказанный. Прежде чем ответить на твой вопрос, я должна услышать, согласен ли ты выполнить ее? Я хочу, чтобы к моему сопровождению

присоединился кто-нибудь из твоих спутников, например Лугатик. Я думаю, что твой друг вполне достоин быть возле правительницы Даконии в моем походе, – отчеканила Айдука, а Лугатик нервно сунул руки под мышки, услышав эту просьбу. – Согласись, Предсказанный, что так более правильно, чтобы в каждом сопровождении был с моими воинами кто-то из твоих друзей.

Возражений со стороны Ваньки не было, ничего сверхъестественного в таком предложении он не видел. Глянул на Лугатика и кивнул Айдуке, что ж, надо, значит, надо. Айдука была удовлетворена, вскинула голову и величаво повела ею. Катюхе показалось, что сейчас от правительницы последует предложение в отношении нее, девушка резво соскочила с жесткой скамьи и с вызовом, стоя во весь рост, произнесла:

– Я остаюсь с Ванькой! – Катюха перестраховалась, между тем у Айдуки никаких предложений на ее счет не было.

Вельможи закрутили головами. Ванька смущенно улыбнулся. Сашка вздохнула, она сама была бы не против очутиться в одном сопровождении с Ванькой, но, увы, роли расписались иначе. Катюха снова забралась на скамью, ноздри ее мелко дрожали от частого дыхания. На своем месте недовольно выдохнул Лугатик:

– А моего согласия никто не хочет спросить? Без меня меня женили. Ладно, черт с вами. Но тогда со мной пускай идет Карюха.

Посмотрев на девушку, на правительницу, обе промолчали, Ванька кивнул. Айдука подождала, когда наступит полная тишина, потом ее голос зазвенел, как тетива лука:

– Со мной остается острый меч с рукоятью из клыка чудовища Гро. Пока этот символ в руках правителей Даконии, чудовище Гро не способно обрести свою разрушительную первоначальную силу. Спасателю Сашке, Предсказанный, я поручаю витой лук с перьями волшебной птицы Рохо и горящим глазом дракона Гумжу. Этот символ защищает правителей Даконии от ужасного Гумжу, делает дракона слабее и может принести ему гибель. Из этого лука Андролур-Объединитель поражал врагов Даконии. Лук имеет магическую силу. Стрелы, выпущенные из него, всегда попадают в цель, – Айдука сделала паузу перед тем, как сообщить Ваньке о третьем символе, этой паузой придавая особое значение символу. – Тебе, Предсказанный, доверяю таблицу с древними письменами. Никому до сих пор не удалось прочитать криптограмму таблицы, но маги в один голос утверждают, что она хранит тайну Древнейших, доселе неслышанную, и имеет ценность для Даконии, ничем неизмеримую. Эти особые письма появились задолго до рождения Андролура-Объединителя. К нему таблица попала магическим путем от Смотрителей магических древностей, какие получили ее от Древнейших и хранили из поколения в поколение от тех времен, когда еще не было Объединенных земель Даконии.

А зверей в лесах было больше, чем даконцев в предгорьях Дакона. Смотрители и сейчас хранят большие магические тайны Древнейших и Древних. Но даже магам не известно, где и как найти Смотрителей. Никто не может их вызвать. Силы магов для этого недостаточно. Смотрители приходят сами ниоткуда и уходят в никуда, – Айдука неожиданно быстро поднялась на ноги, голова сделала полуоборот, высоко вскинулась, как подобает голове властительницы, а потом чуть опустилась, и голос ее завершил: – В путь отправляемся с наступлением тьмы, – эти слова Айдуки прозвучали не как приказ, но как настоятельная просьба к присутствующим. – Чигибон, позаботься обо всем! – правительница, с летящими пышными волосами, выступила из-за стола и стремительной молодой походкой вышла в узкую заднюю дверь, предупредительно распахнутую для нее оранжевым сутуловатым слугой.

Вельможи торопливо вскочили и поклонились. В этот миг хотелось бы Ваньке проникнуть за завесу черной магии и увидеть, что было на их невидимых лицах: подобострастие и надежда либо разочарование и уныние. Он от души посочувствовал Айдуке, ибо ей приходилось доверять приближенным, не видя их лиц и глаз, полагаться только на слова и ужимки.

Это прискорбно, потому что зачастую за словами скрывают истинные мысли, далекие от слов, но которые нередко можно прочесть в глазах. Ванька с друзьями тоже поднялся, проводил взглядом правительницу. Вельможи поклонились ему, и он, взяв посох, сконфуженно также ответил им поклоном головы.

Глава вторая

Спасатели. Начало пути

Ночь окутала твердол плотным одеялом духоты. Желтый свет Ночного Светила медленно проливался на Землю, как вода из сосуда. По сторонам твердола вяло горели уличные факелы, тускло освещая фрагменты стен. Вдоль них маячили стражники, чьи серые тени колебались при вспышках пламени. Этой ночью Ванька с Катюхой в сопровождении воинов первыми покинули твердол. Ворота вдохнули, открываясь перед идущими, и выдохнули, закрываясь после них. Впереди двигался Унторий в воинском снаряжении, но без шлема на голове, который был прикреплен к поясу. Следом шли два воина-даконца. Потом – Малкин с Катюхой, тоже в воинских доспехах. А за ними еще два десятка воинов. Быстро прошли по тропе между скальными глыбами и спустились на дно рва. По нему в темноте след в след двинулись направо. По узкой тропе выбрались наверх и быстро достигли леса. Сделали короткую остановку, прислушались. Лес шумел своей ночной жизнью. Других звуков не было. Тронулись по лесной тропе дальше в чащу. Ванька одной рукой опирался на посох, а другой прижимал к бедру висевшую на поясе сумку с магической таблицей Древнейших.

Кожаное облачение поскрипывало при ходьбе, казалось тесноватым, сковывало движения. Катюха чувствовала себя непривычно. Никогда не помышляла примеривать доспехи, но пришлось надеть. По лесным буеракам спешила за долговязыми даконцами, которым была по грудь, один их шаг равнялся ее двум. Скоро ощутила, что волосы под плотным кожаным шлемом вспотели.

Лучи Ночного Светила вязли в глубине раскидистых крон деревьев. Ванька и Катюха в темноте ступали наугад, едва различая силуэты воинов. Шли долго. Девушка выбилась из сил, стала запинаться, жадно хватать ртом воздух, но, стиснув зубы, молчала. Унторий приостановился, подождал Малкина и подал голос:

– Предсказанный, прикажи воинам устроить передышку.

Твоей спутнице нужен отдых. Когда Ночное Светило уступит дорогу Огненному шару, тропа станет виднее, но идти по ней будет опаснее, однако ее надо преодолеть, не останавливаясь.

Поймав горячую потную ладонь девушки, Ванька сжал ее и ответил проводнику:

– Делай, Унторий, как считаешь нужным. Я согласен на привал. Для всех он не будет лишним. При такой гонке не мудрено свалиться с ног. Командуй.

– Я всего лишь проводник, – напомнил голос даконца. – Воины по воле правительницы должны повиноваться только тебе, Предсказанный.

– Хорошо, – обернулся Малкин к воинам, взглядом выхватил из темноты ближние силуэты. – Привал! – и уловил легкий шорох рассыпавшихся в стороны шагов.

Свалившись как подкошенная, Катюха спиной прижалась к стволу дерева и стянула с головы шлем. Ноги гудели. Девушка вытянула их перед собой. Не чувствуя собственного тела, прикрыла глаза. И будто провалилась в глубокий сон. Даже не слышала, как рядом пристроился Ванька. Прошло время, прежде чем ее дыхание стало ровным и неслышным. Унторий опустился на землю у соседнего дерева. Воины рассредоточились среди деревьев вокруг Малкина, Катюхи и проводника, готовые отразить с любой стороны нападение на Спасателя. Малкин смотрел в темноту, сжимал посох и думал, что пока все идет удачно.

В общем-то, он не представлял, что должно случиться, но был собран и напрягал слух. Айдука назвала этот посох магическим.

Хотел бы он знать, какая магия заключена в нем. Впрочем, Айдука может ошибаться, и тогда этот сук, поднятый из-под ног, к магии не имеет никакого отношения. Темь клубилась

перед ними и, казалось, готовилась выбросить на них весь ужас ночного леса. За кустами чудились холодные огни звериных глаз.

Однако все было тихо. Ванька чуть расслабился, повернул голову к Унторию:

– Кажется, все спокойно, Унторий. Зря тревожились, что враги Айдуки могут выследить, куда мы пошли. Никто нас не заметил.

– В лесу трудно быть незамеченными, Предсказанный, – отозвался голос проводника. – Я чувствую рядом лесных обитателей. Они не показываются нам, потому что мы не вторгаемся в их жизнь и потому что не пришло еще их время. Им известно о тебе. В лесу новости разносятся быстрее, чем можно представить. Ты только ступил на опушку, а лесные голоса уже понеслись впереди нас. Маги лесных обитателей так же сильны, как маги даконцев. Духи леса оберегают лес. Никто не хочет погибнуть от черных сил Великой Пустоты. Великая Пустота несет с собой Великое Безмолвие, в ней нет жизни ни для кого.

– Вот как, – проговорил Ванька. – Но почему-то маг Аватиал об этом ничего не рассказывал.

– Маги говорят только то, что должны говорить, – произнес Унторий.

– Надеюсь, – вздохнул Малкин, – лесные обитатели не враги правительнице, – он поежился от мысли, что лес не спасает от недругов Айдуки. Пошевелился, кожа доспехов скрипнула, трава под ним зашуршала. – У Айдуки слишком много противников. Хочу верить, Унторий, что по нашему следу никто из них не идет.

– Ночью только лес видит наши следы, Предсказанный.

А утром эти следы не всегда остаются прежними. Но запах не отличает дня от ночи, – неопределенно отозвался голос даконца.

Из глубины леса донеслось пощелкивание, сменилось коротким уханьем, вдохами и выдохами. Стало метаться по сторонам, меняя тональность звуков. Катюха очнулась и сжалась.

Усталость и сон как рукой сняло. Малкин ощутил как будто чье-то прикосновение к щеке. Легкий щекот пополз по ней снизу вверх, как бег мурашек. Он резко смахнул их. Но под ладонью ничего не оказалось. А над головой пронесся глубокий вздох и стал удаляться.

– Это духи леса, – тихо пояснил Унторий.

Никто не знал, как следовало понимать их появление. Как покровительство Предсказанному или какое-то предупреждение, либо угрозу. Все прислушивались, пока звуки совсем не стихли. Катюха первая прервала молчание и, чтобы приглушить в себе испуг, заговорила:

– Скажи, Унторий, – обратилась она к проводнику, – мы уже миновали земли, какие находятся под управлением бракута Пуватона?

– Нет, – раздался глуховатый голос Унтория. – Граница проходит по речке, мы движемся к ней. На берегу нас должны ждать лодчонки бракута, чтобы переправить через водную преграду. Нам осталось пройти не очень много. Но надо спешить, чтобы успеть переправиться до свету. За речкой лежат земли, управляемые крептом Цулом, его крептохия находится в другой бракутрии. Цул предал правительницу Айдуку одним из первых.

Необходимо как можно быстрее затеряться в его землях, чтобы не нашли лазутчики. У Цула хорошие соглядатаи.

Это известие насторожило Ваньку. Еще в твердоле у него возникли некоторые сомнения, о которых он не решился говорить там, но теперь захотел немедленно их развеять. Интуиция проснулась и заставила задать проводнику несколько вопросов:

– Объясни мне, Унторий, путь, по которому все это время мы топали к переправе, предложил правительнице бракут Пуватон? Уверял, что путь самый безопасный? – Малкин задержал дыхание, ожидая ответа даконца, но вместо голоса Унтория услышал скрип кожаного одеяния, проводник шевельнулся и кивнул головой. Ванька в темноте не видел этого кивка, но почувствовал его и спросил напрямик: – Ты уверен, что бракут и крепт не стоворились и что нас на том берегу не ждут воины Цула? Тропа, по которой мы идем, может быть опасной.

– Прими поклон твоему уму, Предсказанный, – прозвучал голос даконца, – ты прав, теперь доверять никому нельзя, мы должны опасаться любой дороги, какую не выбираем сами. Поэтому в пути я выдерживал только направление, но вел вас по другой тропе. Проводник всегда должен быть осторожным.

– Ты не доверяешь Пуватону? – опять напрямик спросил Малкин.

– Правительница доверяет бракуту, – уклонился от прямого ответа даконец. – Я верен Айдуке.

Разнесся вздох Малкина. Его не покидал вопрос, почему небольшая горстка вельмож оставалась с правительницей, когда другие предали и разбежались? Что удерживало последних?

Цеплялись за эфемерную власть или некуда было бежать? Надеялись, что крептол Валахи станет точкой возврата и отмщенья? Впрочем, нельзя исключать и верность. Всегда есть те, кто надежен до конца. Потому вполне объяснимо, что всем оставшимся с ней Айдука доверяла полностью. И другим вопросом задавался Ванька: почему возле правительницы еще оставались нищающие незнатные даконцы и воины? Для них у Айдуки уже не было в разворванной и пустой казне денег, а сейчас и сама казна отсутствовала. Теперь в жирном вареве междоусобиц всюду плодились пауперы, озлобленные и безжалостные, сбивавшиеся в ватаги и промышленявшие грабежами и убийствами. Пышно расцветал промысел компрачиков. Простому даконцу страшно было заходить не только в лес, но даже отходить от собственного жилища. Само представление о преданности невольно попадало под сомнение. Посему Малкину сейчас необходима была твердая уверенность в даконцах, находившихся в его сопровождении. Предательство в таких обстоятельствах могло все разрушить. Но будет ли удача сопутствовать ему?

Только стычки с врагом дадут ответ на этот вопрос. Они выявят, насколько верны Айдуке даконцы из его сопровождения.

И можно ли до конца полагаться на Унтория, не опасаясь ловушки. А пока приходилось рассчитывать только на собственную интуицию и хитрость. Верность приближенных – хлипкая штука. Подчас предательство выживает лучше верности. Доверие не должно быть безоглядным. В ответ на слова Унтория, Малкин произнес:

– К сожалению, Айдука питала доверие и к тем бракутам, какие предали ее. Мне думается, что и теперь она излишне доверчива, когда надо быть осторожнее втройне. – Тьма висела на ветвях, как паутина мизгирия, из какой, казалось, никогда не вырваться. С одной стороны, темнота скрывала их от недругов, но, с другой стороны, враги тоже были скрыты темнотой. Ванька поднял глаза и заметил сквозь ветви деревьев, что до верхушек стала дотрагиваться сероватая дымка рассвета. Показалось, что время бежит бешеным темпом. Пришла пора подниматься, передышка закончилась. – Вот что, Унторий, – парень вскочил на ноги, – двигаем сейчас не к переправе с лодками, а выведи нас ниже по течению. Переправляться будем сами с помощью любых подручных средств. Всем подъем! Привал закончен!

Воины поднялись с земли, выстроились в походный порядок, в темноте зашуршала кожа доспехов и трава под ногами.

Проводник выдвинулся вперед.

– Я никогда не плавала в одежде, тем более в доспехах, – пискнула Катюха, натягивая шлем и прижимаясь плечом к Ваньке.

Тот не ответил. Унторий тронулся с места. Рассвет с макушек деревьев медленно сползал сквозь листву вниз, тихо поедая лесную темь. Унторий выполнил Ванькину команду и повел всех мимо переправы, намереваясь выйти на берег в шагах трехстах от нее. Шли очень осторожно. Лес начинал наполняться утренними красками рассвета. Проводник напряженно ловил все звуки. Потому и был без шлема, чтобы слух не подвел.

И в какой-то момент чутко поймал шум, отличный от шума леса.

Он застопорился, движением руки остановил сопровождение.

Все застыли. Унторий пригнулся и тихо нырнул в кусты. Малкин проследил за ним взглядом, помедлил и шагнул следом, стараясь двигаться бесшумно. Унторий ступал по траве мягко, как лесной зверь, когда чувствует опасность. То останавливался и замирал, прислушиваясь, то снова оживлялся и шел крадучись. И все-таки не уловил чужого дыхания за ближайшим деревом. Из-за ствола сзади проводника выступила темная фигура с мечом наизготовку. Еще мгновение – и голова Унтория была бы рассечена надвое. Но в этот миг за спиной врага возник Ванька. Посох в его руках с размаху опустился на шею темной фигуры. Разнесся короткий сип, и под ноги Малкину в густую траву рухнуло огромное тело в воинском облачении.

Ванька успел подумать, что посох пригодился ему. Унторий круто обернулся, мгновенно понял, что произошло, и нагнулся над поверженным телом врага. Перевернул на спину. Показал Ваньке на шлем с металлическим кольцом сверху:

– Это воин Цула, Предсказанный. Я говорил, у него опытные лазутчики, – и неожиданно для Малкина встал перед ним на колени, кланяясь в ноги. – Ты поразил врага, он мертв.

– Как мертв? – не поверил Ванька, глядя на тело воина Цула. – Я хотел только оглушить его, – обронил растерянно, ощущая, как потяжелел в его руке посох.

– Ты спас мою жизнь, Спасатель, однажды подаренную мне матерью, – прошептал благодарный голос Унтория. – Я буду предан тебе, потому что ты подарил мне жизнь второй раз! – проводник поднялся с колен и вновь коротко поклонился.

– Брось считаться, Унторий, – отозвался Малкин, отвернулся от трупа и почувствовал удовлетворение тем, что у него отпали сомнения в проводнике. – Ты поступил бы так же.

– Да, – подтвердил даконец. – Я обязан оберегать тебя, Предсказанный, ты – Спасатель символа. Но ты не обязан защищать меня.

– Все не так, Унторий, – не согласился Ванька, – вместе мы надежнее сохраним символ и донесем до крептола Валахи.

Слова Малкина Унторию понравились, он опять поклонился. Потом неслышно перешагнул через труп врага и двинулся дальше, осторожно ступая по траве и умело ныряя под ветви деревьев. Шагов через двадцать открылась темная гладь не очень широкой речки под тусклым зеркалом высокого рассветного неба. С берега слабо донеслись не лесные звуки. Даконец позвериному приблизился к ним. Ванька не отставал. В рассветной дымке на берегу в кустах увидели засаду с тремя десятками воинов. Проводник долго всматривался, не меняя позы, пока его голос не прошептал:

– Воины Цула.

– А ведь правительница верит, что среди ее приближенных нет изменников, – невесело сказал Малкин.

– Это не обязательно бракут Пуватон, – усомнился голос Унтория.

– Правительница только вчера приняла решение, по каким тропам идти Спасателям, – хмуро напомнил Малкин. – Ловушка здесь не могла появиться в мгновение ока. Не будь наивным, Унторий. Ее Пуватон обстряпал заранее. А потом убедил Айдуку, что именно эта тропа безопасна. Подозреваю, что на пути других сопровождений также устроены западни.

А мы, к сожалению, никого не можем предупредить об опасности, – в глазах у Малкина появилась злость. Он железной хваткой сдвинул посох, готовый прямо сейчас обрушить его на головы тех, кто сидел в засаде. И даже не на их головы, а прежде всего на голову бракута Пуватона. И как жаль, что тот находился далеко.

– Уходим, Предсказанный, – прошептал голос проводника. – Скоро цуловцы начнут искать своего воина. Быстро поймут, чьих рук дело. По следу пойдут за нами. Мы должны успеть на тот берег, чтобы ускользнуть от них. За рекой сами станем выбирать тропы.

Ванька кивнул. Следовало спешить. Воины сопровождения затаились в кустах в ожидании. Катюха старательно скрывала волнение. Облегчение почувствовала, когда Малкин вновь оказался рядом с нею. Дальнейший путь к воде был с крайними предосторожностями. Унторий

вел в обход засады, забирая глубже в лес. На берег вышли за поворотом реки в шагах пятистах от переправы.

Второго Спасателя в сопровождении тридцати воинов вывел из твердола Будорг. Шагал он медленно, но уверенно. Как и Унторий, без шлема на голове. Опять скрипнули и вздохнули ворота. После скальных глыб спустились в ров, однако по дну направились в противоположную сторону от сопровождения Малкина. И наверх выбрались слева от твердола. В лесу Будорг, невзирая на темноту, сразу нашел тропу, будто учуял, как зверь.

Безмолвно гуськом стали углубляться в чащу. Сашка в воинском снаряжении шла между воинами даконцами пятой от проводника, за нею – Андрюха Раппопет. Второй символ правителей Даконии, витой лук с перьями волшебной птицы Рохо и горящим глазом дракона Гумжу, Сашка несла, перекинув наискось через плечо. Иногда тропа суживалась, и тогда нижний конец лука задевал за кусты, а верхний цеплялся за низкие ветви деревьев. Тогда Сашке приходилось приостанавливаться, чтобы высвободить лук. И тогда от Будорга доносилось раздраженное сопение и ворчание. Между тем она быстро приловчилась обходить препятствия и не задерживать движение. Будорг двигался без лишней осторожности, то и дело от него разносился треск валежника или сломанных веток. Он будто продирался сквозь чащу, не разбирая дороги. Не старался идти бесшумно, как это делали воины. Так ломиться можно лишь при полной уверенности, что вокруг ничто не угрожает. У Будорга, вероятно, была такая уверенность, думала Сашка, и это успокаивало ее. Тем не менее она время от времени присаживалась на корточки, ощупывала под собой землю. Она никогда не была следопытом, но на ощупь могла отличить натоптанную тропу от нехоженной. Будорг вел по хоженной тропе.

Они двигались к реке, как и сопровождение Ваньки. Только по другому пути. Сашке тоже предстояло переправляться на другой берег. Лес был молчаливым и мрачным, словно затаился. Темнота давила со всех сторон и утрашала бездонностью, как глубокая пропасть. Сашка обратила внимание, что не слышала даже шелеста листьев. И это казалось странным, ведь лес живет и ночью. А тут будто в вакууме. Но Будорга это явно не интересовало. Прошли не более одной четверти дороги, когда Сашка внезапно в темноте подвернула левую ногу, оступилась и глубоко провалилась в чью-то нору. Вскрикнула, упала на колено. Андрюха сзади наткнулся на девушку, схватил за плечи.

Она досадливо оперлась на его руку. Вытащила ногу и почувствовала легкую боль. Ее окружили воины. Почти насильно усадили на землю. Чьи-то руки во тьме стащил с ноги обувь и пробежали пальцами по икре до самой ступни. Пошевелили.

Снова натянули обувь.

– Перелома нет, – произнес голос.

Дальше пошли медленнее. Девушка прихрамывала. Два воина выдвинулись сзади и стали по бокам от нее, поддерживая под локти. Но дорога для Сашки становилась все труднее, боль в ноге обострялась, и через полчаса идти было невозможно.

Хотя девушка сжимала зубы и не останавливалась, дальнейшее продвижение стало стопориться. Наконец, Сашка остановилась и присела. Мгновенно возле нее очутился Будорг.

– Она не сможет нести символ! – разнесся над ее головой торопливый, странно дребезжащий голос проводника. Он тыркался то с одной, то с другой стороны, пытался оттеснить воинов. – Дайте лук мне! Надежнее будет! – цепко схватил его, попытался стащить с девушки. Тетива скользнула по коже ее доспехов. Но Сашка резко оттолкнула Будорга.

Один из воинов решительно оттеснил проводника. Будорг недовольно затоптался, сопя с придыханием. Сашка громко скомандовала:

– Займи свое место, Будорг! Вперед, вперед! – и вскочила с земли.

Проводника как метлой смело. Воины подхватили Сашку на руки и понесли. Движение возобновилось. Но Будорг то и дело возвращался к ней, и голос его навязчиво бухтел в ночи, приговаривая, что ей следует вернуться в твердол и отпарить в травах ногу. Сашка гнала про-

проводника от себя, но он продолжал брзжать, не останавливаясь. Лесная темь не мешала безликим, они шли по лесу легко и привычно. Воины, которые несли Сашку, иногда передавая ее с рук на руки, не сбавляли шаг. Мысль о том, что на руках у воинов придется провести немалую часть пути, угнетала девушку. Ночь подходила к концу. В очередной раз Будорг забухтел возле нее. Сашка не выдержала:

– Заткнись ты! – крикнула, и этот крик разнесся далеко по лесу. – Забудь о твердоле, он уже далеко!

– Рядом, Спасатель символа, рядом! – радостно воскликнул голос Будорга, словно выпрыгнул из куш деревьев.

И пока Сашка соображала, что Будорг хотел этим сказать, лес неожиданно-негаданно расступился, и они оказались на опушке. В блеклом свете Ночного Светила впереди чернели очертания твердола с длинным шпилем в центре и темным частоколом. Все на мгновение оторопели. Сашка не поверила собственным глазам. Этого не могло быть ни при каких обстоятельствах, особенно после пройденного пути. А Раппопет от неожиданности присел, захлебываясь громкой икотой:

– Туши свет, Сашка. Приехала. Отпускай извозчиков. Будорг сошел с ума.

– Ты что, Будорг, ты что? – выплеснула девушка, давась оторопью и глотая слова. Стала вырываться из рук даконцев, но воины держали крепко. Сашка завизжала во весь голос, раскалывая густую тишину. – Держите Будорга, держите, чтобы удочки не смотал! – и выскользнула из рук воинов.

Те выхватили мечи, и Будорг ощутил острие на своем горле.

– Ты что, Будорг, ополоумел?! – яростно накинулась на него Сашка. Забыла о боли в ноге, подскочила ближе, готовая ногтями вцепиться в лицо. Но лица не было, и она двумя руками схватила проводника за уши, за волосы, стала рвать. – Где мы? – спрашивала не потому, что не видела этого, а потому что не верила в это. – У тебя крыша поехала? Ты заблудился? Ты потерял тропу?

От унижения Будорг остолбенел. Рвать ему волосы и уши...

Так с ним не поступала даже правительница. Страшно стало от того, что сейчас он оказался в полной власти Сашки. Сашка это не Айдука: ему неизвестно, какие мысли в ее голове. Он попытался оторвать от себя Сашкины руки. Но острие меча воина сильнее врезалось в горло, и проводник задрожал, забубльнул испуганным голосом:

– Я не потерял тропу! Я возвратился к твердолу, – квакнул и забормотал его голос. – Ты повредила ногу, Спасатель, не можешь идти сама, а правительница велела, чтобы я привел тебя в крептол Валахи живой и невредимой. Тебе надо отпарить ногу в травах.

– Я прикажу вспороть тебе брюхо! – взорвалась Сашка. – Отрежу уши! – неистовствовала она. – Сделаю пугалом лесным, если ты немедленно все не исправишь! – зло ударила Будорга по ушным перепонкам. Возмущение лихорадило ее. – Половина ночи – коту под хвост! Столько времени потеряно! Разворачиваемся назад! На крептол Валахи! Туда, и никуда больше! – заскрипела зубами. Никакая сила сейчас не могла бы заставить Сашку вернуться в твердол, хоть он и находился под боком. – Веди и помни, что жизнь свою ты подвесил на волоске!

В ответ Будорг что-то промямлил, но воины окружили его, и острия их мечей больно ужалили. Голос воина угрожающе потребовал:

– Покорись, Будорг! Волею правительницы мы подчиняемся Спасателю символа! Не вынуждай меня, проводник, замарать твоей кровью меч! Я выполню любой приказ Спасателя!

Ссутулившись, Будорг, не говоря больше ни слова, повернул в лес.

– Как тебя зовут? – спросила Сашка у воина. Она стояла перед ним, как маленькая куколочка, почти на две головы ниже ростом. Хотя никогда прежде не считала свой рост небольшим.

Однако никогда раньше ей не приходилось бывать в Даконии.

– Хорс, Спасатель, – поклонился воин.

– Хорс, – повторила Сашка, чувствуя уверенность в себе. – Смотри за Будоргом, Хорс, как бы он еще чего не выкинул! Не верю я ему, – и быстро захромала в лес, преодолевая сильную боль в ноге. – Надо торопиться.

Все приходилось начинать сначала. Но Сашка была упорной. Тем более теперь, когда ощутила силу в беспрекословном повиновении воинов-даконцев. Словно открылось второе дыхание. Она гнала всех вперед и сама бежала, сжимая от боли зубы и вытирая с лица пот, перемешанный со слезами. Нога распухла, но Сашка не сдавалась. Темный лес давил со всех сторон. Но по верхушкам уже пробежал предрассветный ветерок, пробуждая лесных обитателей.

– Угомонись ты, бешеная! – пыхтел ей в затылок Раппопет. – Свалишься ведь. И лук не дотащишь до места. Не майся дурью, остановись, все равно не наверстаем! Даже длинноногим даконцам это не под силу. Смотри, угробишь ногу, и вообще никуда не доберемся, – убеждал Андрюха, он от такого темпа задышался.

В конце концов, девушка уступила. Дала всем отдых. Глубоко вдыхая густой лесной воздух, прислонилась к черному стволу дерева. Некоторое время не двигалась с места. Затем колени сами подогнулись, и она опустилась на выпиравший из земли корень. Длинные русые волосы, собранные под плотным кожаным шлемом, взмокли. Сашка сняла его. Пальцами раскидала волосы по плечам. Сердце сильно колотилось. Левая нога саднила нестерпимо. Рядом, распластавшись на животе, недовольно сопел в траве Андрюха. Его легкие раздувались, как кузнечные меха. Трава колола щеку и лезла в нос, но он не двигался с места, эти мелкие неудобства сейчас были слишком незначительными, чтобы на них останавливать внимание. Будорг настороженно присел поодаль, замкнулся, униженно вжимал голову в плечи. Его сокрушало собственное бессилие перед Спасателем символа. Он терзался от мысли, что каждый его шаг теперь находится под контролем отменного вояки Хорса.

Тот прочно обосновался рядом. Хорс был из тех воинов-даконцев, которые своего не упустят. Уж если они вцепятся в чью-то глотку, то намертво. Остальные воины рассредоточились кольцом вокруг Сашки и Андрюхи. Все отдыхали, слушая просыпающийся лес. Но было это непродолжительно. Сашка ни им, ни себе не могла сейчас позволить многого. Она понимала, что нагнать упущенное время не удастся, но хотела сократить разрыв. Поэтому вперед, вперед и только вперед. Преодолевая усталость, снова оживилась:

– Оклемались? – бросила в темноту. Собрала на затылке в пучок еще не высохшие волосы и натянула на голову шлем.

Не дожидаясь ответа, скомандовала: – Подъем! Веди дальше, Будорг! – оторвала тело от земли, стала на ноги и со стоном упала. Идти больше не могла.

– Приехали, – хмуро проворчал Андрюха, подавая руку. – Говорил же, включай мозги, так нет, будто белены объелась. Куда черти гнали? Какая разница, днем раньше, днем позже добрались бы. А теперь, смотрю, не скоро увидим крептол Валахи. А ведь предупреждал. Кого удивить хотела?

Духов леса? Ну, и чего добились? Кряхтишь, как старая кляча, – повернулся к воинам. – Придется, brave, вновь тащить Спасателя на руках. Сейчас бы мага, хоть самого захудалого, чтобы камлать над нею. Париться в травах ей не по нутру, капризная она у нас.

Воины окружили Сашку, привычно, без суеты взяли на руки и двинулись вереницей за Будоргом. Настроения у девушки не было никакого, она даже не стала отвечать на ворчание Андрюхи. До самого рассвета, на руках у воинов, испытывая неудобство и отвращение к самой себе, Сашка молчала. Лишь на рассвете, когда с крон деревьев сорвало плотное покрывало ночной мглы и блеклый свет проник сквозь ветви, образовав серые тени, девушка подозвала Будорга:

– Сколько еще до реки? – спросила недовольным голосом.

– Прости, я хотел, как лучше, – не отвечая на прямой вопрос, пробормотал голос проводника. – А ты приставила ко мне Хорса. Напрасно не доверяешь, Спасатель символа. Убери Хорса от меня. Я все сделаю, как ты хочешь. Убери его.

Но Сашка молчала, и Будорг понял, что согласия не дожидается, поэтому его голос прошуршал, как пересохшая листва, отзываясь на вопрос девушки:

– Уже близко, – голова Будорга понуро опустилась, и он тяжелым шагом возвратился вперед цепочки, слыша за спиной шорох травы от шагов Хорса.

Над горизонтом стал шириться свет Огненного шара, лучи яростнее побежали по верхушкам деревьев, все сильнее и больше проникая в лесную глубину. Деревья ярче поплыли тенями.

Ночная темь забивалась в потаенные уголки леса, сворачиваясь до ничтожно малых размеров. Прошло еще время. И Хорс неожиданно для себя, когда тропа вывела на большую поляну, по Огненному шару обнаружил, что Будорг сильно забрал вправо.

Воин удивился и указал на это проводнику. Впрочем, не зная, какие зигзаги выделяла тропа, Хорс проявил обыкновенное любопытство. Между тем у Будорга такая пытливость вызвала странное подергивание и волнение. Это озадачило Хорса. Где-то далеко Огненный шар уже полностью выкатился из-за горизонта. А в лесу его лучи въедливо растворяли последние остатки ночной тьмы. Обостренным чутьем Хорс почувствовал, что происходит неладное. Он был не силен в науках и ремеслах, мог заблудиться в лесной глуши, не умел по достоинству оценить шутку, не мог выращивать зерно, но природная сообразительность, хорошая память и каменное упрямство очень часто вытаскивали его из самых сложных обстоятельств. Меч и лук были единственным смыслом его жизни. В крептол Валахи ему уже приходилось отмеривать расстояние, сопровождая посыльных правительницы Айдуки. Потому он хорошо помнил, что крептол Валахи находился в той стороне, откуда утром приходит Огненный шар. А тут вот какая странность, когда вышли еще на одну немалую поляну, выясилось, что лучи Огненного шара не обливали Хорсу грудь, а грели ему спину. Это с новой силой насторожило воина. Мозг стал прокручивать вопросы. Ответы на них еще не пришли, но Хорс уже начал наполняться буйством.

И наконец, внутренняя пружина бросила его на Будорга. Воин прижал проводника спиной к стволу дерева, и голос, как грозовой разрыв, ударил того по ушам:

– Огненный шар не с той стороны! – крикнул Хорс.

На что Будорг отреагировал мгновенно и зло:

– Я не команду Огненным шаром и не могу развернуть его, как тебе хочется. Даже маги не пытаются этого сделать! – голос Будорга дрожал. – Не мешай мне! Или веди сам, если лучше меня знаешь тропу!

Конечно, Хорс не знал тропу, потому ему пришлось умолкнуть и отпустить проводника, чтобы продолжить путь. Но замолчал он ненадолго. Скоро его голос снова стал настойчиво задавать Будоргу неудобные вопросы. Проводник нервничал, крутил по сторонам безликой головой, отвечал сумбурно, невпопад. А чутье Хорса начинало угадывать опасную игру Будорга. Хорс плохо знал лес, но по отдельным его местам и запальчивым ответам проводника сообразил, что ходят они по кругу.

Такое неожиданное открытие взбесило Хорса. Он взорвался негодующим возгласом, обвиняя проводника в измене. Сашка на его крик резко сорвалась с рук воинов-даконцев, стала на здоровую ногу, вцепившись в плечо Андрухи. Слова Хорса огорошили ее.

– Ты что несешь, Хорс, ты что несешь? – спросила громко и недоверчиво. – Ко мне, ко мне! – позвала растерянным голосом.

Но Хорс уже обнажил меч и вел Будорга к ней. Проводник пытался схватиться за рукоять своего меча, но Хорс решительно пресекал эти попытки. Кожа воинского облачения на них скрипела, под ногами трескали сухие ветки, два голоса сливались в один вопль, взбудораживая

лесной покой. Звуки кувырком катились в разные стороны, натыкались на деревья, запутывались в ветвях, вязли в листве и травах.

– Если Будорг и впрямь снова замутил воду, это же полный атас, – сказал Раппопет. – Я убью это безликое чудовище. – Андрюха потянул из ножен свой меч. – А ведь Ванька сразу раскусил этого вертуна, предупреждал, чтобы начеку были. Неужели мы лопухнулись, как последние лохи, идиоты? Неужто Будорг развел нас по полной программе? – Раппопету не хотелось верить в это, и он замотал головой. – Не может такого быть! Он же не хочет остаться без башки! – однако сомнения точили, и Андрюха протянул: – Но как было не лопухнуться, когда вокруг стояла крошечная тьма?

Левой рукой Сашка крепче вцепилась в плечо Раппопету, наклонилась вперед, коротко бросила ему в лицо:

– Не зли меня. Разберемся, – и подняла глаза на Будорга, который уже стоял перед нею, нагнутый мечом Хорса.

Пальцы рук проводника лихорадочно дергались, страхась прикоснуться к рукояти собственного меча. Ему так хотелось разmozжить голову воину, но врезавшееся в шею лезвие меча Хорса останавливало. Сашка сжала в правой ладони тетиву лука-символа и сухо спросила:

– Что скажешь, Будорг? – и в этот миг смутно почувствовала непонятную угрозу, словно духи леса воздвигли незримую стену между нею и проводником, успела крикнуть: – Окружить!

Воины выхватили мечи, сорвали с плеч овальные щиты и начали перестраиваться в круговую оборону, оставляя в центре Сашку, Андрюху, Будорга и Хорса. Но проводник опередил.

Внезапным ударом оттолкнул от себя Хорса, смял еще одного воина и кинулся в чащу. Однако выучка Хорса, выкованная в схватках, бросила его тело в прыжок, и в следующее мгновение он настиг проводника. Сбил с ног и вдавил острие меча ему в горло. Будорг захрипел зло и беспомощно.

– Ко мне предателя! – потребовала Сашка, не узнавая собственного голоса, ярость, как электрический разряд, пронзила тело насквозь, будто неведомый дух вселился в нее.

Руки воинов подняли Будорга на ноги и вновь бросили на колени перед Сашкой. Хорс свирепо навис за его спиной. Проводник униженно скрючился на земле, но внутри него все клокотало, и он люто сжимал кулаки. Будорг привык к почестям при дворе Айдуки, никогда не стоял на коленях перед правительницей, потому сейчас чувствовал себя раздавленным. Невыносимо было гнуться перед маленькой пришельцей с открытым лицом, которой Айдука доверила спасать символ власти Даконии. Невыносимо. Но меч Хорса принуждал к этому, заставляя трепетать от страха.

– Что происходит, Будорг? – спросила Сашка. – Ты будешь говорить? Почему ты предал Айдуку?

Казалось, проводник должен начать просить о пощаде, осознавая, что грозит ему за предательство, но реакция Будорга была другой:

– Айдука уже не правительница! – взметнулся вверх его вызывающий грубый сип. – Ей больше нечем управлять!

К тому же теперь у нее остался из трех символов высшей власти всего только один, – не хотел Будорг этого говорить сейчас, но помутнел рассудок, и сорвалось с языка, как лавина в горах.

Вырвалось, не вернуть назад. И его понесло. – Она доверилась советам бездарных, безмозглых придворных и разделила символы, – в голосе Будорга отчетливо слышалось недовольство ущемленного парвеню. – Безумная. Малахольная дура. Добровольно лишиться, потерять навсегда! Кто назовет ее умной? Сейчас ей осталось лишь слепо надеяться, что в крептоле Валахи символы вернуться к ней. Но этого уже никогда не произойдет! Это просто погоня за ветром, где он, попробуй, поймай! – голос проводника злорадно задрожал. – Крептол Валахи никогда не увидит символов власти, с ними туда никто не дойдет. Спасатели в пути лишатся

их. И Айдука также лишится. Западни для всех уже приготовлены. Вам сейчас надо спасать не символ, а собственные жизни.

Потому что если даже и удастся дойти до конца, то в крептоле бурхас Иркора наверняка уже приготовился, чтобы прибрать символы к рукам и немедленно отправить всех вас в черное пространство.

Сейчас в Даконии нет бурхаса, который не хочет стать ее властителем. Он не дурак, чтобы отказаться от трех символов. В одночасье расправится с Айдукой, бросит ее в подземелье со змеями, где она быстро откажется от правления Даконией. Никто ей уже не поможет! – Будорг попытался поднять безликую голову, но острие меча врезалось в шею, и голос издал короткий хрип.

Слушала Сашка и удивлялась, как близко от Айдуки находится измена. Гниль плотно окружила правительницу, проникла во все поры. Но та не чувствует запаха этой гнили, продолжает верить изменникам, советоваться с ними, внимать им.

– Странно все, – протянула девушка озадаченно. – Такое творится рядом с Айдукой, а она ни сном, ни духом. И, похоже, даже не догадывается ни о чем.

– И хорошо. Смерть будет легкой. – Язвительно сказал Будорг. Он еще мог язвить, значит, на что-то надеялся, раз был откровенен настолько. – Правду от Айдуки скрыл Пуватон. Он выпустил кишки лазутчикам Айдуки, которые несли ей донос об истинных намерениях бурхаса Иркора. Пуватон не хотел, чтобы она узнала истину, потому что в этом случае действия Айдуки могли оказаться неожиданными для всех и помешать намерениям самого Пуватона. У Пуватона свои виды.

– Ну и дела, – не вытерпел Раппопет, раздувая щеки. – Как же маг Аватиал мог прохлопать ушами все это, не предостерег Айдуку? Странное невмешательство. Подозреваю, что маг и те, кто сидел с правительницей за одним столом, тоже себе на уме, – заключил Андрюха. – Получается, что положиться Айдуке ни на кого из приближенных нельзя. Но все-таки она не глупа. Ведь недаром никому из вельмож не доверила символы. И причина тут совсем не та, какую она высказывала вслух при всех. Нет, думаю, не проста правительница. Однако все равно дело дрянь, слишком сильный запахок мертвечины вокруг нее. И так, и этак – все плохо. По дороге в Валахи у нее нет никаких гарантий, но и в крептоле ждет предатель. Неведомо, что лучше. Да и наши дела как сажа бела.

Насколько я врубился в проблему, врагам Айдуки известно все о нашем пути. Трех сопровождениям уготованы капканы. Но где, на каких отрезках пути? В каких местах поджидают нас и кто? Однако я не собираюсь исполнять такой сценарий. Глупо надеяться на везение. Следует напрячь мозги, Сашка. Туго придется Лугатику возле правительницы, возможно, хуже всех. За Малкина я спокоен, думаю, он допетрил, что к чему и пойдет другой дорогой. Наверно, уже переправился через речку. А вот мы увязли здесь в лесу по вине этого поганого пса Будорга, – Раппопет впился взглядом в проводника. – Выходит, все изменили Айдуке!

– Почти, – просипел Будорг, чувствуя, как из-под острия меча Хорса по шее течет струйка крови. – Большинство уже не с нею. А тем, кто все еще остается верным, жить недолго.

– Жаль, что маги не вмешиваются в дела даконцев, – вздохнула Сашка и напряженно повела глазами по стволам деревьев, ее что-то вдруг встревожило, что-то показалось, подтолкнуло осмотреться, словно духи леса предупреждали об опасности.

– Маги помогают даконцам противостоять магическим силам, – надсадно вырвался голос Будорга, – а слабость Айдуки, это только ее слабость.

Машинально Сашка наступила на больную ногу, но от нервного напряжения боль показала слабой:

– Где мы находимся сейчас? – спросила у Будорга.

Проводник задергался, скрипя кожаными доспехами, сделал вид, что не расслышал вопроса. Тогда тяжелая нога Хорса наступила ему чуть ниже лопаток и придавила к земле.

Будоргу почудилось, что он услышал, как затрещали ребра с позвоночником. И выпихнул сток стога:

– В трехстах шагах от опушки леса. Недалеко от твердола.

Бракут Пуватон ждет от тебя символ. Отдай лук ему. Для нового правителя Даконии: брата Айдуки, Инуфрона. Инуфрон щедро заплатит за услугу, – голос проводника стал походить на сухое змеиное шелканье. Распластанный на земле, он скреб ногтями землю и сминал носками кожаной обуви траву, вырывая с корнем. – Мы обещали Инуфрону добыть для него эти символы высшей власти, – Будорг приподнял голову, ощутив, как Хорс ослабил нажим меча. – Посмотри, Спасатель, у тебя мало воинов, чтобы противостоять Пуватону. Время Айдуки кончилось.

Стоит ли держать слово, данное той, которая почти мертва?

– Почти – это значит, что Айдука жива! И она все еще правительница! – холодно отрезала Сашка. – Ты поспешил обещать Инуфрону, потому что он еще никто. А я обещала правительнице Даконии. И свое слово держать буду, пока не увижу ее мертвой!

Обескураженный отпором, Будорг стал терять уверенность.

Уткнувшись безликой головой в траву, чувствуя тяжесть ноги Хорса на своей спине, он все-таки попытался пошевелиться, подтягивая локти:

– Тебе все равно, кто будет править Даконией, Айдука или Инуфрон. Ты чужая здесь. Почему бы тебе ни помочь Инуфрону? – прошелестел его голос. – Пуватон ждет тебя в твердоле.

Чтобы не сопровождать Айдуку до границы управляемых им земель, он сказался больным и направил с Айдукой лишь часть своих воинов, – сообщил голос Будорга, и проводник вновь попытался поднять голову. Но снова наткнулся шеей на острие меча. А нога Хорса жестче надавила на позвоночник. Будорг громко засопел, потом выдавил: – У него пятьдесят воинов.

Больше, чем у тебя, Спасатель. Я должен дать Пуватону сигнал, что ты согласна. Если не дам, он никого не пощадит.

– Какой сигнал? – потребовала Сашка.

– Не скажу, пока не получу согласие, – голос Будорга дрогнул, руки похолодели, страшно было ставить условие, когда лезвие меча врезалось в кожу шеи.

Лес наполнялся яркими красками. Бессонная ночь давала о себе знать усталостью. Хотелось быстрее закончить с этой ночной историей и продолжить путь.

– Я не верю тебе, Будорг, – бросил Андрюха. Он маятником топтался у головы проводника, не замечая, как под подошвой с хрустом ложилась набок трава. – Ты совершь, дорого не возьмешь. Но сейчас на чаши весов ты поставил свою и наши жизни. Теперь твоя голова цены не имеет, Будорг. Или ты говоришь до конца, или я тебе не завидую. Держи его, Хорс, крепко держи, – и Раппопет отвернулся.

– Свяжите, – приказала Сашка.

Воины выхватили веревку. И тут снова у Сашки странно кольнуло сердце, она интуитивно почуяла чье-то присутствие за деревьями. Всем телом ощутила нависшую угрозу. Оглянулась и пронзительно звонко выкрикнула:

– Воины, опасность за деревьями!

Ее слова покатались эхом. И тут же со всех сторон из-за стволов деревьев, из кустов, из густой листвы полетели стрелы. Они со звоном впивались в сомкнутые щиты воинов сопровождения. Но плотное кольцо щитов, окружившее Сашку, не дрогнуло.

– Вот тебе и первое вранье, – заорал Андрюха, поднимая щит и выхватывая меч. – Ты соврал, Будорг! Никакого сигнала не надо! Ты уже завел нас в засаду, негодяй!

Прижатый Хорсом к земле, Будорг уловил момент, когда тот переключил внимание на внешнюю угрозу. Неожиданно вывернулся, вскочил, оттолкнул даконца, отчаянным ударом

оглоушил ближайшего воина, схватил его меч и кинулся вглубь высоких кустов. Раппопет яростно махнул ему вслед мечом, но не достал.

Проводив из твердола двоих Спасателей с символами власти, Айдука сама приготовилась пуститься в дорогу. Несколько дней назад, когда она добралась сюда, в ее сопровождении было двести воинов. Треть из них состояла из женщин. Зато не было ни одного наемника, чем правительница гордилась, веря в надежность даконцев. Теперь же ее сопровождение уменьшилось на пятьдесят воинов, они ушли с Малкиным и Сашкой. Конечно, этого было мало для двух отрядов, но она полагала, что основная охота врагов будет устроена на нее. А потому два малочисленных отряда Спасателей смогут быстрее и незаметнее просочиться сквозь леса и достигнуть крептола Валахи. Айдука надеялась на успех и отгоняла мысли о том, что удача давно уже от нее отвернулась. С нею осталось сто пятьдесят воинов.

Кроме того, в твердоле находилось семьдесят наемников бракута Пуватона. С ними бракут явился пять дней назад и обязан был проводить правительницу до границы управляемых им земель. Помимо того, в твердоле было еще сорок даконцев: слуги и охрана твердола. Правда, Айдука не предполагала включать их в свое сопровождение, ибо не могла оставить твердол без охранения. Управляющему твердолом, клажу Буну, настоятельно поручала защищать твердол, ибо собиралась вернуться назад.

Бун обещал усилить охранение даконцами из ближайших селений. А если учесть, что каждый даконец с детства приучается к ратному мастерству, то оставалась надежда, что твердол не будет разорен разбойниками или врагами.

Полным-полно разных событий произошло в Даконии с того времени, когда загадочным строителем, имя которого не сохранилось, был вбит первый кол в этом месте. Со дня постройки твердол пережил много лихолетий. Стало быть, и теперь ему следовало выстоять. Бун был уже немолодым, стал клажем твердола при правительнице Фуко. Она, а потом и Айдука, ценили Буна за то, что тот всегда содержал твердол в безупречном состоянии. Он расширил его пристройками, отделал внутри цветным камнем, обнес высоким частоколом, выдрессировал слуг и надежную охрану. К этому стародавнему твердолу издавна прилепилось название «Таинственный». Его прежние стены хранили не одну тайну и влекли к себе прошлым таинством. Эти стены помнили всех властителей Даконии. А окрестности слыли любимым местом отдыха правителей. Магические колодцы духов вещали о судьбах даконцев, приходящих к колодцам. Но иногда духи Судеб покидали колодцы и сами являлись к правителям, чьи судьбы влияли на судьбы многих. Твердол Таинственный хранил такие тайны. Он хорошо помнил, как часто все его двери открывались перед духами Судеб. И от властителя к властителю твердол передавал эти тайны. Айдука знала о них.

Пускаясь в путь к крептолу Валахи, она отправилась сначала в твердол Таинственный с надеждой услышать здесь духа своей Судьбы. Хотя незадолго была у магических колодцев, и духи не оттолкнули ее. Но Айдука не услышала там, что хотела. Однако и тут также провела время вотще. Дух ее Судьбы не явился к ней. Хорошо это было или плохо, не знала, но, видимо, дух Судьбы сам выбирает время. А дух Тайны всегда неохотно, со скрипом приоткрывал доступ в хранилище Тайн.

Он все время был мизантропом, обретался отшельником и не хотел видеть даконцев. Он не любил даконцев. Они постоянно вторгались в его пределы, ворошили глубинное, пытались вытягивать на свет хранимое им под тысячью запорами, прочно сокрытое от непосвященных. Он знал тайну каждого наперед, мог посвятить в непостижимое. Но лишь изредка подпускал к хранилищу тех, чьи нынешние тайны были связаны с тайнами прошлого. Впрочем, обижаться на него Айдука не могла, ибо тайна Предсказанного стала для нее явью здесь, а тайна пророчества стала тут надеждой на спасение.

Внутри палисада по ночам всегда горело множество факелов, обливая светом двор. Но сейчас факелы тускло освещали только углы периметра твердола. Лишних огней не зажигали по требованию правительницы, дабы дать отрядам с символами незаметно выскользнуть за ворота. Для этого достаточно было бледного света Ночного Светила. У ворот происходила последняя суэта сборов. Властительница ждала, когда из конюшни выведут ее любимую лошадь Вандупалиму. На Айдуке было воинское снаряжение, оно ничем не отличалось от облачения остальных воинов. И только одно указывало на правительницу Даконии, это свисающая с шеи крупная витая цепь Парравеллы. Цепь Парравеллы была неизменным атрибутом снаряжения Айдуки. Шепот даконцев разносил молву, что эту цепь на шею Айдуке надел дух Парравеллы, когда Айдука еще не была властительницей Даконии и даже не помышляла об этом. Но дух Парравеллы предрек ей, что она станет правительницей, что цепь защитит ее, когда потребуется. Потому с момента получения символов высшей власти частью доспехов Айдуки стала цепь Парравеллы на ее шее. Давным-давно, при своей жизни, Парравелла прославилась изготовлением магических амулетов. Своими заговорами она делала талисманы необычными.

К сожалению, после смерти Парравеллы сохранилась небольшая часть ее изделий, но сохранившиеся амулеты имели неодолимую силу. Все они были известны даконцам. О некоторых из них даконцы мечтали, но некоторых страшно боялись. Эти амулеты нельзя было купить или продать. Даконцы получали их от духа Парравеллы. Амулет мог неожиданно появиться у любого даконца и дать силу или принести смерть. Цепь Парравеллы, по преданию, была талисманом силы, однако как проявлялась эта сила, никто не знал. Не знала этого и Айдука. Голова правительницы обреталась под кожаным шлемом, ее движения в темноте были несуетными, и голос – спокойным.

Воины Айдуки выстроились в походный порядок вдоль частокола. Ждали опаздывающих, странно нерасторопных наемников бракута Пуватона. Да и сам бракут все еще не появился среди сгрудившейся свиты. Это не вызывало у правительницы подозрения, но была досада, что сборы непростительно затянулись. Айдука прохаживалась вдоль слабо освещенной стены твердола, поблизости от свиты, когда из темноты внезапно перед нею возник клаж Бун. Она даже вздрогнула, хотя последнее время научилась реагировать хладнокровно на любую неожиданность. На плечах у Буна была длинная накидка, цвет которой в темноте невозможно определить, но Айдука знала, что накидка имела темно-зеленый тон, с красно-синей вышивкой в виде птичьего пера на левой груди – знака клажа. Бун низко, в пояс поклонился властительнице, придвинулся в поклоне ближе дозволенного. Айдука удивленно услышала снизу негромкий шепот клажа:

– Правительница, тебе угрожает опасность. Об этом должны услышать только твои уши, – голова Буна с редкими длинными волосами чуть приподнялась, сизые волосы в ночном свете были темно-серыми.

– Ты о чем, Бун? – голос правительницы прозвучал так же тихо, с недоумением, и она отошла с клажем дальше от свиты.

– Я только что случайно оказался тайным свидетелем разговора между бракутом Пуватоном и твоим Главным хранителем символов, канганом Лурифом, – прошептал Бун, опасливо крутя головой.

Машинально Айдука тоже повела головой: свита стояла на прежнем месте. Ночное Светило проливалось слабый свет на всех. Но кангана Лурифа среди свиты не было. А клаж Бун уже поспешно вполголоса рассказывал ей, как вернулся в твердол за целебными настоями для Айдуки, чтобы в пути правительница черпала из них дополнительные силы. И в проходе между залами задержался, уловив из гостевого зала голос Пуватона.

И то, что услышал, поразило, как отравленной стрелой. Голос Пуватона произносил:

– Все идет, как задумал правитель Инуфрон.

– Инуфрон еще не правитель, – раздался второй приглушенный голос. Клаж Бун узнал Главного хранителя символов высшей власти Даконии, кангана Лурифа.

– Скоро будет, – уверенно снова прозвучал голос бракута. – Айдука отправила первый символ прямо в руки бракуту Цулу. Я позаботился, чтобы тот уже ждал. Надеюсь, символ скоро окажется в руках Инуфрона.

– У Предсказанного сила магов, – напомнил предостерегающий голос Лурифа. – Я не завидую Цулу, как бы Спасатель не снес ему голову с плеч, тогда у Инуфрона вместо символа окажется голова Цула.

– Это невозможно, ты плохо знаешь Цула. Он изворотлив, как торговцы на торговищах, и хитер, как дракон. Цул без особого труда облапошит Спасателя, еще и голову его в придачу прихватит, – с насмешкой заверил голос Пуватона. – Ну а второй символ будет уже утром в руках у меня, как и задумывалось.

– Но Айдука поломала нашу задумку, – в голосе кангана Лурифа послышалось раздражение. – Она заставила тебя сопровождать ее до границы земель, а по уговору ты должен ждать Будорга здесь, в твердоле.

– Я и буду, где должен быть. Просто я не пойду с Айдукой, отправлю с нею Юйка с двадцатью наемниками, – сказал уверенный голос Пуватона. – Юйк поможет тебе завести Айдуку в западню. А дальше – как договорились. С третьим символом Инуфрон ждет тебя.

По гостевому залу зашуршали шаги, и клаж Бун стремительно убрался из прохода, торопясь предупредить властительницу.

Выслушав клажа Буна, Айдука сжалась, все это никак не укладывалось в голове. Мысли, одна ужаснее другой, ворвались в мозг, разрыхляя и разъедавая его. Если верить клажу, предательство уже вцепилось ей в горло, и будто лезвие меча приблизилось к сердцу. Но не верить не было причин, ведь Бун всегда был предан ей, и уже довольно стар, чтобы играть в подлость и обман. Впрочем, предательство всегда бывает неожиданным, она это уже знала и ничего не хотела исключать. Но если все так, как сказал клаж, то скоро это обнаружится, ведь предатели не ведают о том, что раскрыты. Надо только немного повременить и предпринять несколько предупредительных шагов. Она стала ждать. И вот из твердола выскользнул канган Луриф. Айдука обратила внимание на его излишнюю суетливость. Он юркнул к свите и затерся в середине. Хотя всегда бывал важным, двигался, как жирный земляной червь, медленно, с остановками, с раздумьями. Лурифу правительница доверяла. Недаром именно его в смутное время назначила канганом. Три символа постоянно надежно охранялись хранителями, за которыми особо надзирал Главный хранитель. А теперь получалось, что даже один, оставшийся у нее символ нельзя доверять кангану Лурифу. И в этот миг она поймала себя на мысли о Лугатике.

До сего момента у нее не возникало идеи сделать его Спасателем третьего символа. Зачем, когда символ был рядом с нею под надзором Главного хранителя? Но сейчас, видимо, настал момент поменять порядок.

Облаченный в воинское снаряжение, Володька переминался с ноги на ногу поодаль от свиты. Рядом с ним стояла Карюха, настороженно следя за происходящим. Вельможи свиты демонстративно поворачивались к Лугатике спинами, как бы ни замечали, унижая своим пренебрежением. Он осознавал, что воин из него никакой, и пыжиться в окружении долговязых оранжевых верзил было бы смешно и неуместно. Лишь причастность к Предсказанному придавала ему некоторый статус, который быстро мог улетучиться без поддержки Айдуки. Правительница тоже разумела это. Но именно это меньше всего сейчас заботило ее. В смутное время измен и подлости ей нужна была не физическая сила людей. Важнее то, что они, оказавшись в мире даконцев, не утратили веру в себя – это, к сожалению, потеряно даконцами – и не преклонились перед духом безумия, измены и предательства.

В свете Ночного Светила возник Пуватон в кожаных доспехах, шлеме с треугольным, из белого металла знаком бракута.

Сильно прихрамывая, направился к Айдуке, явно обращая ее внимание на свою хромоту. Все это было довольно странно.

Пять дней перед этим Пуватон вертелся около нее, как молодой пес, без всякой хромоты. И вдруг. Бракут подошел и поклонился, а в голосе сквозь искусственное уныние прорывались пренебрежительные нотки:

– Правительница, к моему великому сожалению, я не смогу сопровождать тебя к границе земель. Старая рана внезапно ударила в бедро. Мне будет тяжело сидеть на лошади, тем более идти. Мне надо отлежаться.

Наклонив голову, Айдука напряглась, чтобы сдержаться и не выплеснуть раньше времени взрыв ярости, накатившей на нее от внезапного удушья. Подтверждались слова Буна. Конечно, она могла бы прямо сейчас отдать приказ воинам выпустить кишки Пуватону. Но это было бы неразумно. Нельзя подчиняться власти эмоций, когда мозг лихорадочно ищет выход из положения. Ярость медленно сменилась разочарованием и тоскливостью. Перед нею стоял изменник, готовый сожрать ее с потрохами. Из-под ног уплывала земля. Казалось, зачем дальше сопротивляться, когда самые доверенные жалят безжалостно и с упоением. Однако маги утверждают, что никто из даконцев сам не выбирает свой путь и никто сам не завершает его. Дух Судьбы еще держит под прочным запором ее дверь в черное пространство. А потому не Инуфрону и тем более не Пуватону с Лурифом заносить над нею лезвие меча. Стало быть, сейчас ее хитрость должна разрушить замыслы врагов.

В это время из конюшни вывели несколько лошадей, впереди шла красавица Вандупалима. Даже при тусклом свете Ночного Светила она выделялась своей особой статью. А из-за угла твердоло серой массой выступили наемники Пуватона с Юйком во главе. Юйк в темноте ночи ничем не выдавался из общей толпы, разве только тем, что шел впереди всех. Между тем, если приблизиться, а тем более сбросить ночной покров, четко обнаружится, что он безлик, как все даконцы, наемники же были с лицами, ибо наемники не были даконцами. Пришлые отовсюду, в Даконии наемники назывались габирами, хотя габиры – это небольшая группа населения за пределами Даконии. Но так уж повелось, потому что габиры когда-то первыми стали добровольно за оплату наниматься в войско даконцев. Наемники к такому прозвищу привыкли, несмотря на то что многие были фентами, сиклами, бирбрами и из других разных племен, но откликались на расхожую кличку. Пуватон показал правительнице на Юйка и голос его зачастил:

– Я отправлю с тобой Юйка. Это преданный воин, я верю ему. С ним пойдут двадцать наемников.

Еще раз подтверждались слова клажа Буна. Айдуке снова сделалось грустно, сердце будто опустилось в живот и затихло.

Жалко стало себя, так, бывало, в далеком детстве, когда ее обижали. Но ведь обиды проходят, перед Духом смерти они смешны. Обязанность правителя – выкорчевать из себя жалость, подчинить себя разуму. Управлять должен мозг, сухо и жестко. Айдука помолчала, наполнила грудь воздухом, ощущая, как сердце возвращается на свое место и становится налитым и тяжелым. От его ударов дрогнула грудная клетка. Правительница вскинула голову, выпрямила тело, и на Пуватона надавил ее твердый голос:

– Юйк не бракут, Пуватон, и никогда им не станет! Я не меняю своего решения! И почему всего двадцать наемников?

Я хочу, чтобы ты провожал меня до границы земель во главе всех твоих воинов! На рану недостойно жаловаться и выпячивать ее, как болячку. Даконцы гордятся ранами, это знаки их доблести. Здесь нет воинов с царапинами, здесь у каждого есть чем гордиться. Сейчас трудно встретить даконцев без шрамов. С детства нас приучают преодолевать боль, вспомни об этом и забудь про отлежку! – и отвернулась.

Не ожидая такого поворота дела, Пуватон стоял как оплеванный и полностью обезоруженный. Весь его расчет был на прежнюю добрую Айдуку, перед которой достаточно было поплакаться, чтобы она уступила. И вдруг как обухом по голове. Он и представить не мог подобную неудачу. Мгновенно стало ясно:

не уступит. Перед другой Айдукой он стоял. Не той, которую знал прежде. И за пять дней не смог раскусить. Тупица безмозглый. Так опростоволосился. Внутри все клокотало от того, что вынужден подчиниться той, чье время стремительно катилось под гору. Теперь придется ломать задуманное. Пуватон напряг мускулы, поклонился и попятился от правительницы. Ей подвели лошадь, она ласково потрепала Вандупалиму по холке, погладила там, где была скрытая магией морда, привычным жестом проверила прочность крепления плетеного седла. Больше не обернулась к Пуватону. Но строгий голос еще более категорично потребовал:

– В путь, Пуватон, твое место впереди!

Свита взобралась на лошадей. Пуватон, забыв о хромоте, шагнул к своему коню. Вскрабкался на него и направил к темным воротам. Айдука медлила, поглаживая Вандупалиму по крупу. Свита ждала. Факелы по углам по-прежнему тускло чадили. Воины охранения замерли на местах, чтобы не отвлекать на себя внимание правительницы. Духи подземелий твердола также никого не тревожили, понимали озабоченность правительницы и не вторгались в ее мысли. Эти мысли сейчас искали единственный правильный выход из положения. Наконец Айдука связала в узел все свои мысли и окликнула Чигибона.

Первый бурхас Даконии живо спрыгнул с лошади и предстал перед правительницей. На его кожаном шлеме тускло обозначился небольшой металлический тетраэдр, знак Первого военачальника. Следом Айдука позвала Лугатика и кангана Лурифа. Лугатика было непривычно отвешивать поклоны, и он просто сделал глубокий кивок головой. Луриф сполз с коня и с показным усердием заюлил перед Айдукой, склоняясь ниже необходимого. Правительница выдержала паузу, как полагалось перед тем, как объявлялось важное сообщение, и голос ее прозвенел в ночном безветрии молодо и отрывисто:

– Вручаю символ высшей власти в руки человеку! Доверяю ему быть третьим Спасателем символа во время пути в крепость Валахи! Никто не знает, какой будет дорога и что нас ждет впереди. Передай, Луриф, символ под охрану Спасателя Лугатика.

У кангана от неожиданности подогнулись колени, будто Айдука огрела рукояткой меча по голове. Он покачнулся, широко расставил руки, цепляясь пальцами за воздух. Безмолвно оторопел на время, думая, что ослышался. Под шлемом и на шее выступил пот. Однако переспрашивать правительницу было не принято: каждый вельможа обязан был не только слышать ее голос или шепот, но даже улавливать ее мысли. Тем более канган, его обязанностью было опережать ее желания на несколько шагов. Сейчас он должен был безропотно подчиниться. Между тем внезапное осознание, что исполнение их заговора с Пуватоном трещит, как дрова в пламени костра, в каком сгореть могут не только намерения заговорщиков, но и они сами, подтолкнуло Лурифа нарушить придворный протокол. Голос кангана булькнул, как большой воздушный пузырь, вырвавшийся из огромного чана с водой:

– Но, правительница, – бульканье учащенно продолжилось. – Как же так? Время ли сейчас? Разве требуется этому маленькому посмешищу что-то спасти, когда символ в руках надежных хранителей под моим неусыпным надзором? – в этот миг Луриф ненавидел Лугатика больше, чем боялся чудовища Гро.

Удивился указанию Айдуки и Чигибон. Как правило, Айдука всегда заранее принимала решения, и никогда в последний момент. Внезапное изменение ее обычного поведения поставило Первого бурхаса в затруднительное положение. Но он не подал вида. Лишь отметил про себя, что появление в Даконии Предсказанного изменило правительницу. Руки Чигибона скользили по коже доспехов, он наострил уши. Лугатик растерянно вытаращился, его голос вряд ли что-то мог изменить, но он выпорхнул изо рта Володьки:

– Может, не надо менять коней на переправе? – спросил и тут же осознал, что нельзя правительнице советовать после того, как решение оглашено.

Она не ответила Лугатику. Но Карюха с упреком ткнула его в бок. Луриф, помня, как Айдука жестко прижала хвост Пуватону, опустил плечи и нехотя потащился к хранителям. Володьке ничего не оставалось, как последовать за канганом. Они скрылись в темноте. Голос правительницы медленно, повелительно подтолкнул безмолвствующего Чигибона:

– Иногда кони выдыхаются, – сказала она, – и тогда не приходится учитывать, на переправе ты или на берегу! Выдели Спасателю Лугатику тридцать сильных и смелых воинов для защиты символа.

Опытным придворным был Чигибон, всегда знал, где он может вставить слово, а где не должен подавать голос. Сейчас не проронил ни слова, растворился в ночи. Невольная задержка раздражала правительницу, она нервничала, зная, что должна была быть уже на другой стороне рва. Из темноты возник Володька с мечом-символом в руках. Смущенно помялся:

– Я готов, Айдука.

Голос правительницы заставил Володьку подобраться и посуроветь:

– Я надеюсь на тебя, Спасатель. Тридцать верных воинов будут подчинены только тебе. Даже если все вокруг рухнет, ты должен выполнить мое поручение. Символ ни при каких условиях не должен попасть в руки моих врагов. Над тобой нет кангана. Дорога будет нелегкой. С этого момента ты никому не обязан доверять!

– А тебе, а Чигибону? – выдохнул Володька и поморщился, подумав, что задает глупый вопрос.

Трепетно Айдука прикоснулась пальцами правой руки к лезвию меча-символа, повела головой в сторону ворот, подумала над вопросом Лугатика, и через минуту ее спокойный голос неопределенно произнес:

– Все вокруг очень зыбко.

Вероятно, другого ответа в этот момент ждать от правительницы не стоило. Такой ответ означал, что всякий раз Лугатик должен действовать по обстоятельствам, главное – выполнить поручение.

Клаж Бун замер неподалеку, ждал, когда позовет Айдука и отдаст последние указания. Знал, что это произойдет обязательно.

И это произошло, когда Лугатик отдалился от правительницы.

– Пусть духи Судеб помогут тебе, – сказал ее голос Буну. – Запри ворота твердола перед моими врагами, ошетишь их стрелами и мечами, но держи открытыми для тех, кто остается преданным мне. Верь, Бун, я вернусь.

– Я верю, правительница, – поклонился клаж. – Предсказанный с тобой, значит, и духи жизни с тобой. Прими еще один мой совет. Не выделяйся теперь среди воинов. Смени в дороге лошадь и сними с шеи цепь Парвавеллы, чтобы никто не отличил тебя от простого воителя.

В ответ в темноте прозвучала тихая грустная усмешка Айдуки. После чего она положила руку на холку лошади, погладила ее, и не успел телохранитель подставить плечо, как она оказалась в плетеном седле. Рука легла на повод. Правительница привстала на стременах. И Вандупалима покорно тронулась с места. Ворота заскрипели. Первыми из них выступили всадники, затем прошуршали шаги пеших воинов. Бракут Пуватон молча ссутулился в седле. Когда миновали ров, возле его стремени тенью возник пеший Юйк.

– Меняемся ролями, Юйк, – распорядился Пуватон, наклоняясь к нему. – Отстанешь по пути с половиной наемников, вернешься и сделаешь то, что должен был сделать я. Ты знаешь как. Потом будешь ждать меня в твердоле. Я возвращусь, когда выполню то, что поручал тебе.

Кивнув, Юйк, как призрак, мгновенно потерялся сзади. После Юйка к Пуватону побитым псом прибился канган Луриф, подъехал стремя в стремя, нервно дергая повод своей лошади:

– Все переменялось, Пуватон, – с придыханием прошипел его голос. – Я ничего не смогу, не смогу выкрасть символ. Он в руках у Спасателя.

– Этого щенка ты называешь Спасателем? – насмешливо произнес голос Пуватона.

– Чигибон окружил его лучшими воинами, лезет из кожи Первый бурхас. Подозрительно это, как будто для себя старается. Я предупреждал, что Чигибон будет нам помехой, – зачастил смятенный голос Лурифа. – Воины не подпустят к Спасателю.

– Знаю, – злобно, как стрелу, со свистом выстрелил голос Пуватона. – Надеюсь, у тебя острый меч, а рука крепка, – Пуватон бросил ладонь на запястье Лурифа и сжал его, – и легко сможет выпотрошить этого щенка! – бракут отпустил запястье, и голос вновь просвистел: – Подтяни хранителей и действуй с ними вкуче, когда я заведу сопровождение в черный разлом Шурх. Тебе помогут мои наемники.

– Понял, – прошептал Луриф, придержал лошадь и отстал от бракута.

Сзади свиты ехала Айдука. Темнота не скрыла от ее внимания того, что происходило возле Пуватона. Подала знак Чигибону, чтобы приблизился, и поручила не спускать глаз с бракута и кангана. Чигибон сделал глубокий кивок головой, вернулся к воинам и отдал необходимые распоряжения. Мрачная стена леса приближалась. А вскоре лесная темь укрыла всех. Лугатик шел пешком среди воинов-даконцев. На поясе у него было два коротких меча: с одной стороны – меч из воинского снаряжения, с другой – символ высшей власти правителей. Когда тусклый свет Ночного Светила стал выбираться из листвы деревьев, руку Лугатика потянуло к рукояти из клыка чудовища Гро. Володька положил на твердую рукоять ладонь и ощутил, как напряглись мускулы во всем теле. Он будто стал выше ростом и раздвинул плечами лес. Покопался на Карюху, заметила ли она это? Но та невозмутимо ступала рядом. В тишине монотонно шуршали шаги по траве.

В то же время Айдука покачивалась в плетеном седле и раздумывала над советом клажа Буна. Умен старик. Возможно, стоит прислушаться и сменить лошадь, может быть, для этого как раз наступил момент. Но в голове не укладывался совет снять с шеи цепь Парвавеллы. Айдука уверена была, что цепь Парвавеллы защищала ее. До сих пор враги клацали зубами, безуспешно пытаясь дотянуться до символов власти и до нее.

Снять амулет, значит, лишиться силы. Достаточно после этого покинуть седло Вандупалимы и уже никто в темноте не отличит правительницу от простого воина, ночь всех делает одинаковыми. Айдука опустила голову книзу. Возле стремени в воинском облачении шли ее телохранители. Среди всех она особо выделяла Кинилину. Та была обучена лучше других, и всегда ее меч первым приходил на помощь Айдуке, когда правительница оказывалась в опасном положении. В преданности Кинилины Айдука была уверена, впрочем, преданность других телохранителей у нее тоже не вызвала сомнений. Она сама подбирала себе телохранителей. С Кинилиной сошлась еще до того, как из рук Фуко получила символы власти. Однажды по пути в твердол Клаби задержалась в селении Киниль на игрищах в честь духа селения. Ее поразила девушка, принимавшая участие в игрищах, которой ни в чем не находилось равных. Айдука забрала Кинилину с собой. С этого момента девушка всегда была рядом во всех делах. А когда Айдука стала правительницей, Кинилину сделала своим телохранителем.

Не останавливая лошадь, Айдука спрыгнула наземь, передала повод Кинилине и тихо повелела сесть в седло.

– Но я не устала, правительница, – раздался изумленный шепот. Кинилина не поняла Айдуку. – К тому же Вандупалима никого, кроме тебя, не признает.

Но Айдука подтолкнула девушку. И той пришлось подчиниться. Однако стоило Кинилине поставить ногу в стремя, как лошадь заволновалась, мускулы заиграли, в воздухе раздавалось недовольное фырканье. Айдука обняла голову Вандупалимы, успокоила.

Лошадь притихла, продолжая мелко дрожать боками. Кинилина запрыгнула в седло. Вандупалима вздрогнула, но стерпела, подчиняясь Айдуке. Затем правительница нерешительно

тронула пальцами цепь Парвавеллы на своей груди, сжала в ладони, никак не желая расставаться с нею. Но помня, что старый Бун никогда не давал плохих советов, преодолела себя, сняла цепь и сунула Кинилине, требуя надеть. Та машинально прикоснулась к металлу и испуганно отдернула руку, словно обожглась:

– Что ты, Айдука, это же цепь Парвавеллы, ее должен носить тот, кто получил от духа Парвавеллы!

– Не волнуйся, Кинилина, – успокоила правительница. – Ведь ты не стала правительницей Даконии, оказавшись в седле Вандупалимы, не станешь и обладательницей цепи Парвавеллы, если наденешь себе на шею. Дух Парвавеллы со мной, и он простит.

– Прости, дух Парвавеллы, – тихонько обронила Кинилина и через голову робко надела на шею цепь, догадываясь, зачем все делается. Но телохранитель не должен думать о себе, он обязан любой ценой защищать своего хозяина.

Когда сопровождение Айдуки углубилось в лес, и даконцы различали лишь смутные силуэты двигавшихся впереди, Юйк разделил надвое замыкавших движение наемников. Меньшую часть отправил вперед, ближе к Пуватону, а с большей частью начал медленно, но настойчиво отставать. И когда сопровождение Айдуки ушло далеко вперед, Юйк развернул наемников и повел в обратном направлении.

В преддверии рассвета Пуватон вывел Айдуку к черному разлому Шурх. Перед разломом деревья расступились, свет Ночного Светила тускло облизал воинов, не проникая вглубь мрачной черноты Шурх. Справа и слева торчали черные скалы, выставив свои облезлые горбы над лесом. Кряхтели себе под нос осыпями. Посапывали с посвистом множеством ноздреватых пещер. Скалы жили своей жизнью, окруженные плотными дремучими зарослями. Сквозь эти заросли и днем-то невозможно было пробиться, а уж тем более ночью. Тропа вела в широкий разлом между скалами и уходила куда-то вниз. Айдука почувствовала, что здесь непременно должно что-то произойти.

Приостановилась перед скалами, пропустила вперед Кинилину и с десятков воинов. Сказать, что она испугалась черного разлома, было бы неправдой. Айдука уже многое пережила, многому научилась, не раз встречалась лицом к лицу с врагами, знала кровь и смерть и умела подавлять страхи. Но предательство, когда знаешь о нем, видишь и чувствуешь всей кожей, подрезало ей крылья. Будто она пыталась и не могла взлететь. Предательство приводило к колебаниям. Она собралась и ступила в темноту разлома Шурх. Пошла вниз, предчувствуя, что совет Буна был не бесполезным. Это место издавна глухое. Торговцы обходили его стороной, потому что зачастую те, кого темь заставляла в разломе скал, выбирались на другую сторону не только без товаров, но голыми совершенно. И ничего не помнили.

Либо беспрестанно твердили о разбойниках и всяких невидальщинах. Впрочем, кому из торговцев посчастливилось миновать разлом Шурх днем, тому ничего подобного не встречалось.

И разбойников не было, и товары были целы, и дорога без причуд. Хотя в один голос рассказывали про уймищу разных птиц, нор и пещер в скалах, из которых доносилось какое-то рычание и прочие странные звуки. Но при приближении к пещерам все утихало, будто ничего не было. Только жутко давила мрачная сырость. Простые даконцы и воины старались не испытывать судьбу в черном разломе. Однако если случалось оказаться там, то проскакивали его засветло группами и как можно быстрее.

О виденном вторили потом за торговцами.

По тропе через черный разлом Шурх дорога к границе земель, управляемых Пуватонем, в этом направлении была короче, поэтому Айдука согласилась пойти по ней. Входя в разлом, Чигибон распорядился быть настороже. Воины взяли за мечи.

Все медленно втянулись внутрь разлома. Некоторое время двигались по склону, пока дорога не выровнялась. Айдука шла по тропе осторожно, прислушивалась к звукам. Чутье подсказывало, что скоро что-то начнется. Предчувствие тревожило. Она вытянула из ножен меч. И вот в голове сопровождения послышалась беготня и крики. У скал замелькали черные тени. Впереди, где была Кинилина, услышала в разных голосах свое имя. В этой перекличке уловила голос Пуватона. Совсем близко раздался звон мечей. Айдука начала отражать удары. Запоздало прокатился голос Чигибона:

– Нападение! – кричал он. – Отражать, отражать! Защитить правительницу!

Нападающие были со всех сторон. Мечи звенели смертельной яростью. Тени врагов сливались в бесформенную массу.

Ругань и угрозы металась в воздухе от скалы к скале. Схватка смешала всех в один клубок, не разберешь, где враг, а где свой.

Но утихла быстро после громкого кричающего сигнала. Враги внезапно куда-то подевались, и все странно затихло. Следом тьму разорвал свирепый крик Чигибона:

– Айдуки нет! Лошадь одна! Где правительница? Искать!

Искать! Искать!

И началась дикая суета. Воины натыкались друг на друга, шарили под ногами и у скал. Голоса беспрестанно произносили ее имя. Звали. Айдука не подавала голоса, суетилась вместе со всеми, пытаясь понять, закончилось ли нападение, не появятся ли вновь черные тени врагов. Пригодился совет клажа Буна.

Многоопытный старик предчувствовал, как можно защитить Айдуку этой ночью.

Все произошло по замыслу Пуватона. Исполнителем здесь должен был бы быть Юйк, но пришлось все делать самому бракуту. Заблаговременно, днем в ближних к тропе пещерах были устроены засады. Когда Вандупалима с Кинилиной в плетеном седле поравнялась с пещерами, Пуватон подал знак для нападения, и сам, прорубая дорогу мечом, ринулся со своими наемниками к лошади правительницы. Кинилина выхватила меч и произвела несколько разящих ударов. Но нападение было неожиданным и сильным. Ее стащили с лошади на камни. И первое, что в темноте сделал бракут Пуватон, это нащупал цепь Парравеллы на шее поверженной всадницы. Его довольный голос выдохнул:

– Она! Волоките в пещеру!

Сопrotивляясь безгласно, Кинилина разумела, что таким манером отводит врагов от Айдуки. Ее скрутили по рукам, подхватили множеством дланей, потащили в пещеру. Затхлый дух обдал со всех сторон. Передвигались на ощупь. Впереди свет от хилого факела едва освещал выступы ближних камней и умирал там же, в трещинах. Кинилину догнал насмешливый голос Пуватона:

– Все, Айдука, время твое закончилось.

Резко Кинилина дернулась.

– Не дергайся, тут тебя не найдут, – злорадствовал голос бракута над ее ухом. – Из этой пещеры много выходов. У одного из них тебя ждет Инуфрон. Он станет следующим правителем Даконии, потому что скоро в его руках будут все три символа власти, а ты откажешься от них в его пользу. Инуфрон знает, как заставить тебя! Молчишь? Надеешься, что тебя спасут? Не надейся! Никому ты уже не нужна. Ты так и не поняла этого. Если бы твоих придворных кто-то поманил пальцем, они бы давно сбежали от тебя, но они никому не нужны, как и ты. Верись, что исполнилось пророчество и появился Предсказанный? Не верь!

Аватиал не понял пророчества. Оно еще не исполнилось. Время Предсказанного не пришло. Потому что он должен родиться в Даконии. Покорись. Дух Судьбы отдал тебя в руки Инуфрону.

Будешь упорствовать, все увидят цвет твоих кишок.

Ответа от Кинилины не было. Два крепких наемника за спиной цепко держали ее руки. Голос Пуватона продолжал:

– Или Инуфрон сам придушит тебя! – Пуватон схватил в руку цепь Парвавеллы, скрутил ее на горле женщины. – Этой цепью и придушит! – потянул к себе цепь, пытаясь сорвать с шеи Кинилины. Но в ту же секунду руку обожгло, будто схватился за раскаленные звенья, вытасченные из кузнечного горна. Запах обожженной кожи перебил другие запахи. Бракут заблажил от боли, оторвал руку от цепи, отшатнулся. Цепь Парвавеллы вспыхнула огнем. Пуватон повалился, скуля и завывая.

Наемники за спиной Кинилины отпрянули. Сноп огня от цепи Парвавеллы ударил им в глаза, сбивая с ног. Они рухнули рядом с бракутом. Цепь медленно погасла. Кинилина обмерла.

Но придя в себя, с удивлением отметила, что совсем не пострадала от огня. Ощупала себя и не обнаружила на груди цепи Парвавеллы. Впереди факел выпал из рук проводника, блеклое пламя лизнуло мокрый камень под ногами, слабо осветив его.

У ног Кинилины со стоном пытался подняться Пуватон, возились с руганью два наемника, а сзади испуганно молчало наемное воинство. Цепь Парвавеллы исчезла с шеи Кинилины, но в тот же миг Айдука обнаружила ее на своей шее.

Одновременно с нападением на Кинилину вспыхнула схватка рядом с Лугатиком. Сквозь звон мечей Володька услышал надсадный голос Лурифа:

– Спасатель, это я, канган! – кричал тот. – Где ты? Я иду на выручку! Надо спасать символ! Доверься мне!

Сжал рукоять меча, совет Айдуки ударил в голову, Лугатик скомандовал:

– Воины, в круг, никого не подпускать!

Тридцать даконцев образовали вокруг Володьки и Карюхи кольцо, отражая нападение.

– Спасатель! Я помогу! – продолжал плескаться вопль Лурифа среди звона мечей.

Наемники Пуватона клином врезались в воинов Лугатика.

Разнесся рев, ругань, стоны. Воины-даконцы приняли удар. Володька в напряжении не заметил, как выдернул из ножен меч с рукоятью из клыка чудовища Гро. Под напором наемников защитники Лугатика медленно продвигались к глухому выступу скалы, не подпуская нападавших к Володьке. В какой-то миг Лугатик споткнулся о чье-то тело под ногами, едва не упал.

И в тот же момент это тело неожиданно подхватило с земли и оказалось долговязым Лурифом. Он вскинул над головой меч и ринулся на Лугатика. Карюха закричала, предупреждая Володьку. Тот развернулся, отбил нападение и услышал в ответ злое шипение Лурифа. Канган схитрил, чтобы добраться до Володьки. Когда защитники Спасателя стали отходить к глухому выступу скалы, Луриф распластался под ногами, притворившись убитым. По нему прошли ступнями, но он терпеливо ждал момента. И дождался. Вот он, Спасатель, перед ним.

И хотя рядом с Лугатиком размахивала мечом Карюха, Канган не сомневался, что непременно разделается с Володькой, срежет с его пояса символ власти и улизнет. Риск был велик, но выбирать не приходилось. Однако Володька оказался на удивление увертливым. Уклонился от очередного удара. А затем внезапно кинулся под ноги Лурифу и снизу всадил ему острие меча в нижнюю часть живота. Глубоко. Канган застыл в смертельном изумлении, не веря в случившееся. Лугатик выдернул меч, вскочил, а Луриф безмолвно рухнул к его ногам. Когда враги схлынули, кто-то из воинов нагнулся над канганом и раздалось восторженное восклицание:

– Ай да вогнал Спасатель! Выпотрошил! А ведь Луриф был отменным воякой!

Обнаружив, каким мечом отразил нападение, Лугатик торопливо вложил его в ножны. Известие об исчезновении Айдуки привело Володьку в замешательство. Без нее терялся смысл всей миссии. С другой стороны, поручение никто не отменял. К тому же кроме него к крептолу Валахи другими тропами шли его друзья. Там все должны встретиться. И понятно, никто из друзей не бросит символ на полпути, из последних сил будут пробиваться к крептолу. Ибо

если они не встретятся, могут потерять друг друга в этом мире и вряд ли способны будут в одиночку выбраться отсюда. Чей-то крик сообщил, Айдука нашлась, правительница жива. Лугатик облегченно вздохнул, будто сбросил с плеч тяжелый груз. Вновь разнесся окрепший голос Чигибона:

– В ряд, в ряд! Мечи наизготовку! Сомкнуться! Вперед!
Вперед!

Воины-даконцы быстро выполнили приказ Первого бурхаса Даконии. Ночное небо над головой стало бледнеть.

После захвата Кинилины наемники, которые не ушли в пещеру с Пуватоном, по его команде стали отступать к началу разлома Шурх. Их возглавил Рюнс. Они двигались вверх по склону, быстро отдаляясь от сопровождения правительницы. Рюнс обязан был вывести наемников из черного разлома и в условленном месте дожидаться Пуватона. Потом под началом бракута вернуться в твердол, где их должен встретить Юйк. Рюнс был уверен в себе и сожалел, что мало положил воинов Айдуки в произошедшей схватке. Он шагал широким шагом, заставляя остальных принаравливаться под него. В какой-то миг внезапно до всех донеслось звериное рычание. Негромкое, но отчетливое.

Раздавалось сбоку из зевов нескольких пещер в скале. Рюнса обдало холодком. Он стал лихорадочно крутить головой по сторонам. Выкатил круглые белки глаз. Послышалось, что ли?

Остальные наемники забеспокоились, взгляды заметались, проваливаясь в темноту. Прибавили шаг, подтянулись, сплотились, вцепились пальцами в рукояти мечей. Жуткое звериное рычание повторилось рядом. У наемников возник страх. Он стал забираться под доспехи, под ребра. Тут же вспомнилась недобрая молва о разломе Шурх. Новое холодящее рычание обдало гнилым пещерным запахом. По спине Рюнса волной покатила зябкая испарина. Он нервно потянул из ножен меч, но вытащить не успел. Из пещер справа стремительно выметнулись странные существа с голыми телами даконцев и с лохматыми головами волков и набросились на наемников. Их вид в блеклом свете привел всех в невыразимый ужас. А из пещер слева налетели существа с туловищами волков со вздыбленной шерстью и безликими головами даконцев. В воздухе повис испуганный всхлип наемника:

– Они всюду! Их много!

Схватка была короткой. Наемники мгновенно были опрокинуты и прижаты к земле. А тех, кто успел вспороть мечами животы нападшим, растерзали. Рюнса сбили с ног и обездвижили. В ушах у него стоял рев, и он не сразу уловил, как резкий рычащий голос обратился к нему:

– Как твое имя?

Оторвав от земли приплюснутое лицо, Рюнс пытался высмотреть того, кто задавал вопрос, и голос его хрипло просипел свое имя. В утренней мути его глазам предстало огромное туловище волка с торчащей ключьями грязной шерстью по бокам, с длинной шеей и безликой головой даконца. Голос Рюнса оторопело икнул:

– А ты кто?

Существо низко пригнуло шею, и безликая голова очутилась рядом с лицом Рюнса:

– Даконцы называют нас даволтами, – раздался все тот же свирепый голос-рык, обдавая Рюнса тяжелыми пещерными запахами. – Я – даволт Когоб. Вы принесли смерть в разлом Шурх, – голос-рык даволта задрожал с нескрываемой угрозой. – Здесь никогда никого не убивали.

Беспомощно Рюнс завозился на животе, зацарапал ногтями камни, чувствуя непреодолимую тяжесть огромной лапы даволта на своей спине:

– Если б вы не напали на нас, Когоб, мы бы ушли из разлома, не тронув ни одного даволта. Мы бы даже не знали, что вы обитаете тут, – вращая белками глаз, прожевал разбитыми губами Рюнс, его грязное лицо и жилы на шее налились кровью, ноздри длинного носа раздулись.

Удар сильной лапы по позвоночнику пронзил болью все тело наемника. От рыка даволта в ушах Рюнса едва не полопались перепонки:

– Я говорю о крови даконцев! Здесь не проливают кровь даконцев! Так повелось от наших далеких предков, среди коих были даконцы. Вставай, Рюнс! – Когоб снял огромную лохматую лапу со спины наемника.

Почувствовав легкость, Рюнс приподнялся на локти, что-то просипел невнятно, пошарил выпученными глазами перед собой в поисках меча. Подхватился на дрожащие ноги, затравленно огляделся: вокруг темная масса даволтов. На земле – распластанные наемники. Замер. Понял, никакой меч сейчас не помог бы ему. Когоб толкнул Рюнса в спину:

– Говори, если есть что сказать, Рюнс.

– Отпусти нас, Когоб, – на одном дыхании выпалил наемник. – Обещаю, что больше никогда не увидишь нас в разломе Шурх.

– Всякая кровь требует отмщения! – грубо бросил Когоб.

Подняв с земли наемников, даволты сбили их в плотную толпу, прижали к скале. Рюнс не раз бывал в жестоких переделках, немало протопал незнакомых троп, служил любому, кто щедро сыпал монеты в его ладони. И всегда был удачлив. Но на этот раз почувствовал, что удача может изменить ему. Даволты с голыми телами даконцев и головами волков, с большими тесаками в руках, свирепо скалились. Здесь перемешались мужские и женские особи с крепкими мускульными перевязками.

Даволты с туловищами волков и безликими головами даконцев когтями больших лап скребли землю. Вожак Когоб тяжелой лапой ударил по камню, и даволты с волчьими пастями издали злой вой. Напуганные наемники шарахались от волчьих морд и волчьих туловищ. Прижатые к скале, с дрожью ждали своей участи. Рюнс следил исподлобья за Когобом, чувствуя себя раздавленным и уничтоженным. Тот распорядился:

– Отведите их к Великому колдуну даволтов, Глахту. Дальше ему камлать! Между даволтами пробежал шумок недовольства, ибо они были уже готовы наброситься на наемников, но голос-рык Когоба мгновенно пресек:

– Знаю, они заслужили смерть, они убийцы. Но у нас есть правило, мы всегда следовали ему, не будем отступать и теперь.

Глахту камлать!

В это время Кинилину снова вели по кривым изгибам пещеры. Впереди пыхтел проводник. В его руках небольшим пятном света тускло коптил факел, едва высвечивая пещерные изломы.

Следом нетерпеливо топал Пуватон. За ним, сутулясь, тащились пятеро наемников. И уже потом, пригибаясь от каменных выступов, спотыкаясь и цепляясь руками за камни, двигалась Кинилина. В спину ее подталкивал габир, сопя и хрюкая. А позади них с шумной руганью перла целая ватага. Затхлость била в нос.

Шли медленно, пока после очередного поворота впереди не замаячил серый свет. Выход из пещеры. Ночная темнота уступала дорогу рассвету. Пуватон оттолкнул проводника, и крупными шагами ринулся к выходу, жадно вырвался наружу. Проводник от толчка завалился набок. Всю дорогу своды пещеры жутко давили на Пуватона, ему чудилось, что духи пещер вот-вот вцепятся в его горло. И мерещилось странное кислое давящее дыхание зверя над ухом. Сейчас перед бракутом широко простиралась каменная осыпь, окруженная темным лесным массивом. От пещеры к лесу по камням тянулась узкая натоптанная тропа. В конце нее у высоких деревьев в мареве маячила фигура даконца. Он высоко восседал на большом каменном обломке.

Это был Инуфрон. Поодаль от него толпились два десятка наемников. Он ждал бракута. Пуватон заспешил к нему. Инуфрон сидел, широко расставив колени. Его раздобревшее тело

плотно охватывалось кожаным снаряжением. Голова с редкими зеленоватыми волосами была непокрыта. Шлем ладонью прижимал к колену. Сидел неподвижно, величественно, как будто уже давно стал новым правителем Даконии. На неровном камне его откормленному заду было не очень комфортно, но сейчас для Инуфрона это было мелкое неудобство, которое с лихвой покрывалось предвкушением предстоящего большого успеха.

Наемники толпились скученно. За деревьями слуга за уздечку держал голубую гривастую лошадь Инуфрона. Она прядала ушами, мотала головой. Слуга хлопал ее по шее и время от времени выдыхал: «Тпр-р-р, тпр-р-р, тпр-р-р». Пуватон с полпути замахал руками и закричал радостным, гортанным голосом:

– Айдука твоя, Инуфрон! Я сдержал слово! – Он был рад сообщить новость, ожидаемую Инуфроном. – Теперь твоя очередь сдержать свое слово. Нелегко было захватить правительницу, с норовом она, но я привел ее!

– Правительницу? – раздался встречный откровенно недовольный скрипучий голос с издевкой. Инуфрон сполз с камня, стал на толстые, как столбы, ноги, выпятил вперед брюхо и наклонил голову на короткой шее. Рост его был внушительным, на полголовы выше самых рослых наемников. Небольшой меч на боку покоился в красивых ножнах. – Где же эта правительница? – голос Инуфрона желчно усмехнулся.

– Я оговорился, Инуфрон, – поспешно поперхнулся бракут, – прости. – Пуватон понимал, что всякая неосторожная оговорка отныне может немало стоить ему. Поэтому, потев от испуга, издали отвесил поклон и затараторил: – Теперь Айдука – никто. Теперь ты все решаешь в Даконии. Ты – правитель, и другого не может быть! Удача тебе в руки, Инуфрон! Удача с тобой! Скоро точно так же все символы будут в твоих руках!

Недолго ждать, Инуфрон, совсем недолго! – бракут остановился перед ним. – Сейчас, Инуфрон, сейчас выведут, – голос Пуватона дрожал, а его рука показывала на пещеру.

Медленно Кинилина вышла на свет, пригнула голову в кожаном шлеме. Издали она походила на Айдуку. Тот же рост, то же телосложение, те же доспехи. Остановилась. Габиры сзади затоптались на месте, замерли. Не решались подталкивать в спину, ждали команды Пуватона. Но тот помалкивал, разумно уступая главенство Инуфрому. Давал возможность тому насладиться зрелищем поверженной властительницы и ощущением собственной безраздельной власти над той, перед кем еще не так давно он склонялся и искал ее расположения. Инуфрон чуть не сорвался с места и не бросился навстречу поверженной, ликуя от восторга. Но с усилием удержал себя. Однако язвительный голос вырвался из глотки, мигом покрывая расстояние до Кинилины:

– Ну что, сестрица, с рассветом тебя, с моим рассветом и твоим закатом! – голос торжествующе кричал, подпрыгивая на камнях. – Чего застыла на месте? Не рада встрече? А я рад! Ждал тебя. Подведите ее ближе!

Наемники подтолкнули Кинилину в плечо, заставляя сделать первые шаги по тропе, а потом толкали в спину до тех пор, пока до Инуфрона не осталось пять-шесть шагов. Инуфрон продолжал издеваться:

– Что согнулась в три погибели и голову опустила? Испугалась? А может, ты Манаву боишься больше, чем меня? Напрасно.

Манаву не сделает с тобой того, что сделаю я, если будешь упрячиться! – Инуфрон шагнул вперед и голос резко изменился. – А где цепь Парравеллы? Пуватон, почему на ней нет цепи Парравеллы? Не помню, чтобы она когда-нибудь расставалась с нею.

– В пещере потерялась, – торопливо нашелся Пуватон, внезапно почувствовав острую боль от ожога на руке. – Я за эту цепь стащил ее с лошади, в собственных руках держал.

У нее на шее была. Я хотел сорвать, но цепь вдруг раскалилась и загорелась огнем, – он протянул к Инуфрому обожженную ладонь. – Вот, руку сожгла. А Айдуке – ничего.

Дух Парвавеллы защищал ее. Но больше нет цепи, больше дух не защитит! – сбивчиво частил голос Пуватона.

Молчком Кинилина выпрямилась и подняла голову. Инуфрон нервно дернулся, быстро подступил к ней, сорвал с головы женщины кожаный шлем, и голос его взвизгнул:

– Не она! – Схватил за руку бракута. – Кто это, Пуватон?!

Ты кого привел ко мне?! Обмануть вздумал? С Айдукой сговорился!

Словно ударили камнем по голове Пуватона. Увидав Кинилину, он от неожиданности растерялся. Голос надломился, невнятно промямлил:

– Она сидела на любимой лошади Айдуки, Вандупалиме.

У нее на шее была цепь Парвавеллы. Лошадь никого, кроме Айдуки, к себе не подпускает. Ничего не понимаю, – у Пуватона мелко дрожали колени.

– Обманула, змея! – голос Инуфрона взвыл по-звериному. – Обвела вокруг пальца! Но откуда она узнала, что в разломе Шурх засада? Кто ей сообщил? – Инуфрон потрянул Пуватона. – Ты?

Больше некому! Ты задумал обмануть меня! Ты сговорился с Айдукой! – он внезапно выхватил меч и сильно вогнал острие в горло бракуту.

Тот захрипел, захлебываясь кровью, судорожно пальцами схватился за Инуфрона и рухнул на камни, издав последний булькающий выдох. Кровь растекалась по камню, застывая в рассветных лучах. Инуфрон зло бросил:

– Я тоже сдержал свое слово, бракут! – отвернулся от трупа и тяжело навис над Кинилиной. – Ты пришла, чтобы умереть? – голос на мгновение застыл, как кровь бракута на камне. – Не боишься меня? – Его меч стал подниматься. – А зря. Только я знаю, сколько тебе осталось жить.

– И я тоже, – спокойно отозвался голос Кинилины. И вдруг она мгновенно выхватила из-под наручей нож и всадила под ребра Инуфрону.

Раздался его изумленный хрип, и занесенный меч стал падать на голову женщине. Но Кинилина увернулась. Меч скользнул по коже доспехов и ударил по камню, высекая искру. Однако сбоку в нее вошел меч наемника. Кинилина упала, не проронив ни звука. Инуфрон, покачиваясь, завалился набок рядом.

Когда уже совсем рассвело, правительница Даконии вышла из черного разлома Шурх в сопровождении воинов-даконцев.

С другой стороны разлома, где Айдука входила ночью, появились наемники, выпущенные даволтами. Они шли совершенно голыми, с детскими восторженными глазами, смотрели вокруг, как глядят младенцы, когда открывают мир впервые. Наемники не помнили, что с ними произошло. Колдун даволт Глахт сделал свое дело. Отправляя наемников от себя, вслух заметил, что все приходят на свет голыми и с пустыми мозгами. Пускай для этих наемников все начинается сначала. Рюнс шел впереди, удивляясь незнакомому лесу. Новый, необычный мир раскидал перед ними свои дороги.

Глава третья

В западнях

С наемниками Юйк успел до утра вернуться к твердолу. Частично наемников он должен был разместить в твердоле, а частично оставить в лесу в засаде, чтобы Сашка, обманутая Будоргом, попала со своим сопровождением под двойной удар. Однако этот замысел провалился. Воины клажу Буна встретили наемников стрелами. Юйк попытался взломать ворота. Они трещали, стонали, корчились под натиском, но даконцы клажу защищались отчаянно. Юйк, понеся потери, через ров отступил в лес. И там спешно засел в засаде. После неудачи у твердола он был удручен. Однако засада давала надежду повернуть фортуны к себе лицом. Хорс, упустив Будорга, чувствовал себя виноватым. Андрюха Раппопет глотал досаду. Юйк, осознав, что стрелы наемников не нанесли большого урона сопровождению Спасателя, бросил наемников в схватку. Воинственный рев наемников прокатился по лесу. Блеснули мечи. Даконцы приняли удар. Сшиблись в схватке. Численный перевес вселял в Юйку уверенность, что символ скоро будет в его руках. Раппопет крутился, как волчок, отбиваясь налево и направо. Юйк пер напролом, пытаясь прорубиться сквозь Сашкин заслон. Из-под шлема катился крупный пот. Уже близко было сосредоточенное лицо Сашки и лук-символ у нее за спиной. Голос Юйку свирепо торопил наемников. Они несли потери, но давили со всех сторон. Казалось, вот-вот дождут.

Однако Юйк недооценил Сашку. Та следила за схваткой и, улучив момент, скомандовала воинам сомкнуться и прорываться к твердолу. Даконцы сплотились и ударили в одном направлении. Хорс ринулся на Юйку. Они яростно сошлись. Звон и скрежет их мечей переходил в бешеный стон, не принося удачу ни одной из сторон. Сашка в запале, забыв о больной ноге, сорвала с себя лук-символ и выдернула из колчана стрелу. Ей никогда не приходилось стрелять из лука, даже не представляла, как нужно правильно его держать, но руки сами стали совершать действия, каких прежде не делали. Тетива оказалась тугой, и Сашке пришлось напрячься изо всех сил. Наконец, первая стрела была отправлена. Она полетела вперед по немислимой зигзагообразной траектории, прошивая насквозь тела врагов и расчищая путь к твердолу. Десяток наемников безжизненно рухнули наземь. Сашка выпустила вторую стрелу. Та зигзагами расчистила путь еще от десятка. Среди отряда Юйку началась паника. Воины-даконцы воспользовались ею и смяли сопротивление. Начали стремительно отрываться.

И вот уже опушка леса, а там и ров. Прикрывая спины щитами, сопровождение Спасателя стало спускаться по склону. Наемники на выходе из леса прекратили погоню. Хмуро затоптались на месте, опустошая вдогон даконцам свои колчаны. Голос Юйку надрывался, но не мог никого заставить продолжить преследование. Помня о смертельных стрелах, они боялись двигаться дальше. Замыкал сопровождение Спасателя Хорс. На душе было безрадостно, ибо он не сумел прикончить Юйку. С начала похода преследовало жуткое невезение. Не сразу раскусил Будорга, не предвидел его западни, наконец, упустил. Не оправдал доверия Спасателя, не заслужил его. Сашка, прихрамывая, бережно гладила пальцами лук-символ и молчала. Юйк был зол. Дрожал от ожесточения. Символ был почти в руках, почти. Перед Юйком из зарослей вдруг возник Будорг. И уверенно предположил, что Спасатель долго укрываться за частоколом твердола не станет. Потерянное время надо наверстывать.

– Пересидит день и выйдет ночью! – убеждал Будорг. – Поверь, что именно так и будет. Не упусти больше.

– К тому времени подоспеет брак Пуватон. А пока мы можем отдохнуть. – сказал Юйк. Сжал правой ладонью тонкий ствол молодого деревца, а левой провел по кожаному шлему, как

обычно приглаживают волосы. И вяло закончил: – Здесь на опушке и примостимся. – Кивнул головой наемникам, чтобы располагались.

Те, поругиваясь между собой, кучками разбрелись по сторонам, уткнулись кто как и тут же захрапели без задних ног.

Бессонная ночь взяла свое. Будорга тоже одолевала сонливость.

Посоветовав Юйку выставить охранение, он решил прикорнуть вместе со всеми. Примял густую траву под кустом, зарылся в нее, расслабился. Юйк бодрился, топтался между спящими. Скрипел кожей доспехов, слушал утренние шумы из леса и хруст травы под ногами. Прижался к гладкому стволу дерева, погрузился в свои мысли, на какое-то время забылся. И вдруг дремоту прервало хлопанье крыльев крупной птицы. Черная тень птицы мертвых, Ширурвы, накрыла Юйку. Размах крыльев – тридцать шагов, короткий широкий клюв и длинные когти. Встретить ее удастся не всякому. Разбудить и поднять Ширурву в воздух может только дух недавно умершего даконца. Все остальное время птица спит в гнезде, о месте которого известно лишь духам. Ширурва медленно кружила над краем леса, опускаясь все ниже. Когда ее крылья приблизились к макушкам деревьев, стволы перед Юйком начали пригибаться и ложиться горизонтально. Он замер на месте. Птица мертвых опустила на выгнутый ствол. Ее большие глаза остановились на Юйке. Печальный крик оглушил. Наполнил ужасом тело.

Пронесся ветер, срывая листья с ветвей. И наступила тишина, полная, какая бывает в холодной черной пропасти. Ширурва открыла клюв и выпустила безликий дух Пуватона. Черный, как сама птица.

– Юйк, – произнес дух голосом бракута, – не жди Пуватона, Инуфрон убил его.

– Инуфрон? – не спросил, а едва слышно квакнул голос Юйку, хотя самому Юйку почудилось, что голос прокричал. – А как быть с символом? Чего хочет Инуфрон?

– Инуфрона больше нет среди живых, – ответил дух.

Это известие вогнало Юйку в полную оторопь. Закружилась голова, он закачался.

– Убей всех! – потребовал дух Пуватона. – Добудь символ для дракона Гумжу! Дракон придет за ним! – и дух на миг окутал Юйку, как куколку в кокон, а затем неспешно вернулся в черное тело птицы.

Ширурва встрепенулась, крылья подняли ее в воздух и понесли над кронами деревьев. Черная тень поползла следом, мрачно цепляясь за верхушки. Стволы медленно выпрямились.

А мозг Юйку отяжелел, тело перестало подчиняться, и он свалился с ног там, где стоял. Захрапел.

Поздним вечером Будорг очнулся первым, словно от укуса змеи. Все повально спали. Он кинулся тормошить Юйку. Тот не сразу пришел в себя. Голос Будорги надрывался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.